

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Елена Матвеева

ВЕДЬМИНЫ
КРУГИ

Школьная библиотека (Детская литература)

Елена Матвеева

Ведьмины круги (сборник)

Издательство «Детская литература»

2000

Матвеева Е. А.

Ведьмины круги (сборник) / Е. А. Матвеева — Издательство «Детская литература», 2000 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В семье пятнадцатилетнего подростка, героя повести «Прощай, Офелия!», случилось несчастье: пропал всеми любимый, ставший родным и близким человек — жена брата, Люся... Ушла днем на работу и не вернулась. И спустя три года он случайно на толкучке, среди выставленных на продажу свадебных нарядов, узнаёт (по выцветшему пятну зеленки) Люсино подвенечное платье. И сам начинает расследование... Во второй повести, «Ведьмины круги», давшей название книги, герой решается, несмотря на материнский запрет, привести в дом прибившуюся к нему дворняжку. И это, казалось бы, незначительное событие влечет за собой целый ряд неожиданных открытий, заставляет подростка изменить свое представление о мире, по-новому взглянуть на окружающих и себя самого. Для среднего и старшего школьного возраста.

© Матвеева Е. А., 2000
© Издательство «Детская литература», 2000

Содержание

ПРОЩАЙ, ОФЕЛИЯ!	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	48
Глава 13	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елена Матвеева

Елена Александровна Матвеева

Ведьмины круги

© Матвеева Е. А., 2000

© Кузнецова М. О., иллюстрации, 2013

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ПРОЩАЙ, ОФЕЛИЯ!

Повесть

«Клянусь всем святым, что никогда, никому, ни под каким видом, ни при каких обстоятельствах не раскрою чужую тайну и буду хранить ее, как свою! Клянусь страшной клятвой! А если нарушу, пусть мне будет пусто, вечное проклятие и спасения не будет, как Иуде, проравшему Христа».

Я сижу у забора на деревянном ящике и повторяю клятву. Не поручусь за верность каждого слова: я мог их перепутать или переставить. Кроме последних. Когда-то они показались мне очень страшными. Даже не про вечное проклятие, а про пустоту. Почти физически я тогда ощутил, как это ужасно: пусто вокруг, внутри, везде.

Раньше я часто вспоминал слова клятвы, особенно перед сном. Мне казалось, они были ключом к тайне, но ничего этот ключ не открыл. Три года я повторял клятву, с двенадцати лет, с того самого времени, как пропала Люся. Ушла и не вернулась. Исчезла. Словно ее никогда и не было в нашей жизни. И вообще не было.

Цветет черемуха, но, вопреки народным приметам, холода не пришли. Тепло. Только сильный ветер полощет кроны тополей и время от времени взметает волны пыли с песком, несет бумагу, фантики, окурки и катит гремящие пластиковые бутылки. Я встаю размяться и снова присаживаюсь на ящик. Устал, отупел и ни о чем больше не думаю. А бабка стоит – хоть бы что. Смотрю на ее спину, облепленную коричневым сарафаном. Спина широкая и холмится, как взбитая подушка. А зад еще шире, и одно бедро выше другого. А потом другое выше. Это зависит от того, на какую ногу она делает упор. Переступила на правую ногу – левая

ягодица взлетела, переступила на левую – правая. Левая – правая. Левая – правая. Сколько времени я здесь сижу?

Я не хочу возвращаться к старому, к тем словам, мыслям, пустоте. Мы с матерью только-только начали выбираться из этой пустоты и наполнять ее чем умели. Я не хотел больше жить вчерающим днем и думать о завтрашнем не был намерен. Я хотел жить сегодня, сейчас. Вместо этого часа два или больше я бултыхался в своем прошлом без всякой надежды выплыть.

Глава 1 ПОДВЕНЕЧНОЕ ПЛАТЬЕ

Раза два в месяц я выполняю домашнюю повинность – иду на рынок за картошкой. До рынка можно доехать на автобусе, но ходит он редко и набит под завязку. Поэтому проще, даже с тяжелым рюзаком картошки, плестись пешком. Вот и плетусь.

Наш район называют Вокзальным: рядом железнодорожный вокзал. Мне он нравится своей разномастностью. Здесь есть всё: от нашей девятиэтажки, «хрущоб» и сталинских каменных четырехквартирных домиков с полукруглыми балкончиками до частных, дачного типа деревяшек в яблоневых садах.

Входная рыночная арка видна издали, но чтобы попасть к ней, надо идти дворами и переулком, пока за поворотом неожиданно не откроется обширный пустырь. Рынок обнесен забором, а на прилегающем к нему пустыре – барахолка, толкучка, настоящий табор. Сидят на ящиках, складных стульчиках и прямо на земле, разложив на газетах и картонках свой товар. Стоят и прогуливаются с вещами в руках. Есть среди продавцов явно спившиеся люди, есть и совершенные на вид интеллигенты. Торгуют всем: электродеталями, сантехникой, инструментом и всевозможными железяками, вплоть до ржавых искривленных гвоздей, сложенных кучками. Старухи продают что Бог послал: ношеное тряпье, стоптанные башмаки, комнатные цветы в горшках; у них можно найти заварной чайник без ручки и старые, с порыжелыми страницами книжки вроде Пришвина, Мамина-Сибиряка или «Критики абстрактного искусства». Тут же разнокалиберные пуговицы, катушки с наполовину отмотанными нитками и даже набор голых цеплюндных пупсов-калек. У нормальных людей эти белесые, выцветшие до трупного оттенка кукольные тела без руки или ноги, а иногда и без туловища – одна голова – вызывают вполне определенную ассоциацию, связанную с криминалистикой.

Парня со стеклянными цветами, лебедями и узкогорлыми кувшинами, в которых, как в клетке, сидят стеклянные петушки, я давно заприметил. Он приходит со своим столиком.

Постоянно встречаю и двух инвалидов. Один – молодой, неопрятный и небритый – слеп. Его грудь, как стенд, увешана цветными полиэтиленовыми пакетами, и в руке пакет, куда покупатели кладут деньги. Слепого жалко. Я все время думаю: находятся ли подлецы, которые его обманывают? Зато другой барахолочный завсегдатай в инвалидном кресле сочувствия не встречает. Наверное, какой-то жук. У него на коленях разложены ордена, медали и ломаные часы. Вокруг тусуется подозрительная публика.

Часто на толкучке можно обнаружить что-нибудь по-настоящему любопытное. На этот раз меня привлек граммофон с розовой трубой, похожей на гигантский цветок выонка. Возле него группировалось много зевак, а старинная музыкальная машина вопила, скрипела, заикалась и присвистывала гнуснейшим голосом – почище кошачьего концерта.

Торговцы толпятся, клубятся весьма произвольно. Но к деревянной рыночной арке через пустырь тянется упорядоченный проход, некая аллея, где вместо дубов или лип стоят люди с самоварными трубами и домашними тапочками, лифчиками и трусами, перчатками и кроличьими мужскими шапками. Поглазев на граммофон, я и направился по этому проходу на рынок. Через полчаса я рассчитывал быть дома. День только начинался, и у меня были на него свои виды.

У самого входа на рынок я наткнулся на странное зрелище: семь теток выстроились в ряд и все, как одна, держали свадебные платья. Меня это поразило. Целая выставка! В газетах пишут, что сейчас мало играют свадеб. В Петербурге, наверное, почаще: город огромный, а у нас вряд ли наберется семья невест одновременно. Хотя поражало все же не количество.

Когда в пыльной сумрачной комиссионке висит платье с фатой, это просто свадебное платье – безличное, вроде театрального костюма. А здесь, на толкучке, под ярким весенним

солнцем, на ветру, который раздувает белые юбки, шевелит разные оборки, рядом с небритыми синюшными харями, цепкими глазами продавцов, ищущими покупателей, бессмысленно блуждающими – зевак, рядом с цыганской пестротой и убогостью барахолки, – это были не просто платья, а символы. И они «кричали»! Уж очень вырывались из обстановки. И я подумал еще, что символы эти с изъяном. Может, изначально они и были безупречны, но окружающая пошлость и их опошила, замарала. Чистоту, счастье, радость, надежду на добрую, хорошую жизнь... Не знаю, как точнее сформулировать, потому что это и не мысль была, а мгновенное острое ощущение, что за каждым платьем стоит судьба. Возможно, давешние невесты уже и с мужьями развелись, а может, лупит их муж, мордует и материт почем зря. А символами семейного счастья на барахолке торгают.

Из семи женщин только одна была молодой и могла быть законной владелицей платья. Остальные – кто они? Свекрови, матери, чужие тетки?

Я шел медленно, но не останавливалась и, разумеется, платья не разглядывал. Все эти воздушные тряпки были для меня почти на одно лицо. Побелее, пожелтее, у того длинная юбка, у того – короткая. Скорее уж обратили на себя внимание руки, державшие воздушные «символы», – темные, рабочие, иссеченные морщинами, из тех, что загорают и стареют на грядках. Только у молодой были гладкие, толстые пальцы с облупленным маникюром.

И вдруг я его увидел! Сразу, целиком. Я его узнал! Это было похоже на неожиданный мгновенный удар, пригвоздивший к месту. Скажи мне сегодня утром: нарисуй Люсино свадебное платье – не сумел бы. Помнил – белое, длинное. Красивое! Что же еще я мог запомнить, ведь прошло столько лет. Но я его сразу узнал!

Неосознанно я потянулся за уносимым ветром подолом, поймал материю и тут же нашел, что искал. Почти незаметное, размытое, словно тень, словно отблеск, пятно размером с детскую ладонь, а в центре более концентрированного тона, но тоже очень слабое сгущение – с ноготь величиной, похожее на сидящую кошку, обвившуюся хвостом. Казалось, что это изумрудный отблеск листвы на ткани. А было пятно от зеленки: я сам его посадил на платье.

Случаются такие дикие вещи. Платье только принесли от портних. Люся еще не знала о моем преступлении. Я представил ее слезы, гнев Игоря и в ужасе помчался к матери. Ругалась она умеренно, потому что срочно взялась за дело. В результате пятнышко в форме кошки совсем выцвело, хотя вокруг расплылся легкий, как дымка, зеленоватый ореол. Все это, к счастью, в самом низу юбки, сбоку, потерялось в пышных складках. Скандала не было.

– Что лапаешь? – окрысилась бабка, державшая платье. – Жениться собрался?

– Вы знаете, откуда это пятно? – спросил я от растерянности.

– Отпусти, я сказала! – Платье вылетело из моих рук, как птица. – Иди, иди! Тут тебе нечего делать, – прошипела бабка.

Как платье могло попасть к этой ведьме? Лет шестьдесят ей, наверное, было, лицо пухлое, словно утюгом выглаженное, и глубокие морщины тщательно проглажены. Кнопка носа, недобрые глазки. Я сразу был уверен, что платье Люсино. Но если бы не нашел пятна от зеленки – вывели бы его, предположим, новомодным средством! – поверил бы я, что это то самое платье?

Мне необходимо было узнать, как платье попало к бабке, потому что Люся исчезла. Ее убили. Все сошлись на этой мысли, я и сам так думаю. Случилось это три года назад, а венчалась она в этом платье за полгода до того.

– Я не просто так спрашиваю, – начал я объяснять, но спохватился. Старуха ничего не скажет, если я ее огорчу: откуда, мол, у вас платье моей убитой родственницы? – Я не для себя интересуюсь, – завертелся я как уж на сковородке. – И пятно меня не смущает. С пятном даже лучше, дешевле, я думаю. Хочу, чтобы сестра посмотрела платье.

Мой монолог прервала соседка бабки, торговка-молодуха, обещала отдать свое платье по дешевке и предлагала домашний адрес, чтобы «сестра» к ней зашла. Бабка напряглась, набычилась, кипела, как самовар, но молчала, уничтожая соперницу возмущенным взглядом.

– Скажи сестре – натуральный шелк, сшито по выкройкам «Бурды». Только что из химчистки. Дешевле и качественнее она не найдет, – уговаривала молодая.

– Я уже выбрал, – уперся я и спросил у бабки: – Может, сестра зайдет к вам домой?

Странная была бабка. Она ни слова не сказала молодухе, только губы скжала и ненавидела глазами. Но она ведь и на меня, покупателя, чихать хотела. Не доверяла, похоже.

– Пусть приходит и смотрит здесь, – сказала, как отрубила. – Сегодня. Если не продам – в следующую субботу.

– До субботы она замуж успеет выйти, – бросил я и ретировался, потому что молодая с ободранным маникюром пошла на меня в атаку.

Я заглянул на рынок, но к картошке не приценивался. Даже не дошел до овощных рядов. Посмотрел на желтую, в коричневых подпалинах свиную рожу со зловещей ухмылкой и двинулся обратно.

Прокользнув вдоль забора, зашел к торговкам свадебными платьями с тыла. Поначалу испугался, не обнаружив своей бабки, но тут же успокоился: она поменяла место в строю, чтобы не стоять рядом с молодой. Возможно, они и поцапались в мое отсутствие. Я подумал, что надо заявить в милицию, но не рискнул удалиться – пока побегу, бабка смоется. Потом сообразил: в милиции меня и слушать не станут, никто со мной не пойдет на рынок, а еще и по мозгам дадут.

Я бродил по барахолке, не упуская из виду бабкину спину, однако в такой толчее можно и слона проворонить, не то что бабку. И тогда я выбрал удобное место – сел у забора на ящик.

Я смотрел на ее круглую, дугообразную спину, обтянутую коричневым. Стояла как столб, только с ноги на ногу переступала, переваливая крутые бедра. Железная старуха, впрочем, как и ее товарки. Я бы не выстоял на месте несколько часов, я и сидеть-то устал, а они по-прежнему несли свою вахту.

Время шло, пора было принимать какое-то решение. На рынке бабка говорить со мной не будет. А если она вообще откажется разговаривать? Припугнуть, сказать, что я знаю кое-что про платье? Она может вовсе замолчать. Не ее ли сын приходил тогда к Люсе? Может, это мать убийцы? Вероятно, я нагородил огород, а все просто. Надо старуху спросить – она ответит.

От солнца, ветра и пыли резало глаза. Мать ждала картошку, а пустой рюкзак лежал у меня на коленях. Уйти и забыть про это чертово платье? Все равно ничего не узнаю. Только я ведь себе не прощу, что даже попытки узнать не предпринял.

Все не просто, а очень сложно. Люсе грозило что-то ужасное, не зря же она заставила меня сказать те слова: «Клянусь всем святым, что никогда, никому, ни под каким видом, ни при каких обстоятельствах не раскрою...»

Одна из семерки «свадебных» смылась. Я не приметил, купили у нее платье или она устала ждать. Просто испарилась. И осталось их шесть. Я побоялся, что могу невзначай упустить свою старуху, и смотрел за ней в оба. Шесть спин, шесть истуканов с поднятыми руками. Из-за их фигур ветер выдувал легкие парящие платья-привидения.

Неужели кто-то будет выходить замуж в платье несчастной женщины, неизвестно в каких муках принявший смерть?

Глава 2 ДОМ С БАШНЕЙ

Три года назад мы жили в своем доме. Отец в нем родился, Игорь и я. Когда отец был маленьким, дом выглядел иначе: деревянный, одноэтажный, без веранды. Отец его расширил, соорудил веранду, надстроил второй этаж с большим балконом на крыше веранды и башней. Башня никакого практического значения не имела – архитектурное украшательство. Туда вела винтовая лестница, а на верхней площадочке стоял стул. Отец приходил сюда курить, обозревая с птичьего полета свои владения. Соседи так и прозвали наше жилище: Дом с башней.

На двенадцати сотках кроме огорода, цветника, ягодника и фруктовых деревьев стояли четыре сосны, пять разлапистых елок, каштан, два клена и два пирамидальных можжевельника у калитки. Кругом все делалось, устраивалось и поддерживалось в порядке руками отца.

Он у нас был работягой, с двадцати одного года на заводе. Однако при слове «интеллигент» я всегда думаю – это мой отец. Сдержаный, с тихим голосом: не помню, чтобы когда-нибудь кричал или ругался. У нас приличная библиотека, и собрал ее отец. У его родителей не водилось книг, он их начал покупать сам, учась в школе, и так до последних дней. Говорил: для детей. Но эти книги – мое наследство, Игорь на них не претендует. Моя петербургская тетка всегда с уважением относилась к отцу, я часто от нее слышал: «Твой пapa энциклопедист, нынче это редко встречается». Видимо, ум отца был именно такого свойства, а главное, отменная память. Но конечно же пробелы в его знаниях были, и немалые. Он, если можно так сказать, был «народный энциклопедист», самоучка. Высшего образования не имел, а основное время уходило у него не на чтение, а на работу.

Мне грустно, что был он такой скромный, много знал, всю жизнь что-то делал, а после него ничего не осталось, кроме книг, самодельного стола и табуреток. И в семейном гнезде, любовно им оборудованном, обитают чужие люди, для которых это обычный дом, крыша над головой, и не более того. Там уже сейчас многое изменилось, а пройдет несколько лет – и вообще не останется следов нашей жизни. Покрасят входную дверь два раза, и заплынут зарубки на косяке, отмечавшие, как мы с Игорем росли.

Мне очень не хватает отца и нашего дома. Теперь-то я понимаю, что это был счастливый дом, где отец с матерью любили друг друга и детей.

С Игорем у меня не было близости: у нас разница в десять лет, мы жили в разных мирах. Ему даже не пришло по-настоящему, по-братьски защищать меня, когда возникла необходимость, – он был в армии. Вернувшись, Игорь попробовал было обратить на меня внимание, заняться моим физвоспитанием. Сам он мастер спорта по баскетболу, и его тут же пригласили в детскую спортивную школу тренером. Но, увы, ничего не вышло: я не оправдал надежд, а вскоре его настигла любовь, он совсем закрутился и махнул на меня рукой.

Я отвлеченно гордился братом, а иногда и хвастался, чтобы на всякий случай знали: меня лучше не трогать, могут быть неприятности.

Однажды Игорь привел домой девушку. Это был не простой визит, потому что мать готовила праздничный обед, гладила скатерть и протирала бокалы сухим полотенцем, тщательно сдувая ворсинки. Это была хоть и первая, но решавшая встреча, что-то вроде помолвки.

Люся мне понравилась с первого, и со второго, и со всех последующих взглядов. Ей было восемнадцать, но выглядела она совсем девчонкой. Худенькая, коротко стриженная, росточком с меня, двенадцатилетнего, и выражение лица детское – открытое. И искренняя была как-то по-детски, но не по-глупому – по-хорошему. По ней сразу было видно: не заносчивая, не капризная, не манерная, не жадная, ее легко можно развеселить, напугать, удивить и подначить на какую-нибудь школьную проделку. Со мной она обращалась без всякой снисходительности. Родители и брат всегда немного покровительственно, а она – как с равным.

И что же, это была маска? Обман? Тогда, значит, и мама обманулась, моя сверхпроницательная мама, учитель физики, как рентгеном просвечивающая подрастающее поколение... Люся понравилась и отцу, и матери, и мне сразу, хотя, как она потом мне сказала, была сама не своя, боялась не прийтись ко двору.

Что у нас с Люсей могло быть общего, кроме взаимной симпатии? Теперь я смотрю на нее и на себя другими глазами, и мне кажется, общее было. Страх.

В детстве я считал, что буду жить вечно. Разумеется, я знал, что умру, и в Бога не верил, но впереди была очень долгая жизнь, не представлялось, что она может кончиться в обозримом будущем. Возможно, это блаженное состояние продлилось бы и дольше, если бы не война в Чечне. К этому времени мой брат благополучно отслужил, а вот брат моего друга Борьки как раз и загремел в армию. Писем от него не было, мать слала повсюду запросы, а в качестве ответа получила гроб с телом, который даже открыть не разрешили. Его хоронил военкомат, с оркестром, памятник поставили с фотографией на эмали.

Со свадьбами в нашем городе не густо, зато на кладбище уже выстроилась целая аллея воинских могил. Это самый престижный участок, благоустроенный и красивый. В восьмидесятые здесь хоронили «афганцев», с девяносто пятого пошли солдаты из Чечни. Здесь же погибшие в других «горячих точках» и могилы старых вояк, померших от инфарктов и пьянства. А еще под ухоженными цветничками с памятниками, возле которых старухи крестятся, пришептывая: «Спите, сынки, спокойно. Господь с вами!» – покоятся люди и другого сорта. Мне такую могилу с крестом и гранитными вазами показали. На фотографии – классный парень с ясным взглядом. Двадцать два года. Оказывается, был он правой рукой городского авторитета, вроде названного сына, а убит при бандитской разборке.

Я был на похоронах Борькиного брата. Из близких на кладбище и прийти было некому. Отца нет, родственников нет, школьных друзей поразбросало, в городе почти никого не удалось найти, а армейские – на войне. Мать в могилу бросалась, Борька плакал. После кладбища мы с ним выпили водки, а я в то время и вина не пробовал. Меня рвало, и было очень плохо.

Но задумываться о жизни и смерти я начал еще до похорон.

Борька комплексовал, что не тянет на Шварценеггера. У меня этого комплекса не было. Мой комплекс был похуже. Ожидание Борькиной матерью писем, документальные съемки в Афганистане и Чечне, которые показывали по телевизору, сделали свое дело. Я понял, что смертен и, более того, возможно, отпущенено мне не так уж много времени. Сколько оставалось до армии? Шесть с небольшим лет. Я, единственный, неповторимый, бесценный, умру безвременно и бессмысленно, как дождевой червяк, перерубленный лопатой на грядке. Кроме родителей, я никому не нужен. Для своего Отечества я представляю интерес только с восемнадцати лет, и исключительно как единица, которая пополнит ряды армии и которую можно бросить в очередное пекло...

Кого я буду там защищать? Родину? Дом? Мать? Но моей матери нужно одно: чтобы я был живым. Кого я буду убивать? Я не хочу убивать!

У нас в классе учится парень, который решил накопить денег, в восемнадцать лет купить турпутевку в Париж, а там драпануть во Французский легион. Но я-то не хочу быть наемником!

При самом благоприятном раскладе, даже если я буду служить рядом с домом, меня угрохают свои. Про это я тоже наслушался и насмотрелся по телевизору.

Мне не откосить от армии: домашние бессильны что-нибудь предпринять, и я на них не в претензии. Армия неотвратима. Но если мне и суждено пережить что-то ужасное в будущем, то почему же я должен постоянно пребывать в страхе и отравить себе ближайшие годы?

Чтобы спасти свою шкуру, оставался один выход: мне нужно через два года, сразу по окончании школы, поступить в институт. Вообще-то у меня гуманитарные устремления, но, чтобы не рисковать, придется поступать в технический вуз, куда конкурс поменьше и все еще

бесплатное обучение. Так что при благополучном исходе буду я учиться и жить в Петербурге у своей тетки, маминой сестры.

Ничего не поделаешь, я заострен на эту тему. Многие мои одноклассники, из тех, кто собирается учиться в одиннадцатом и кто не собирается, жизнерадостны до тошноты. Большинство мечтает найти крутую работу, а у самых тупых мечты не идут дальше сотового телефона. Парни из «приличных» семей спокойны: родители освободят их от армии, и случится это так же легко, как в школе, когда мать писала учительнице записку, что ее сынуля не может явиться на уроки, потому что кашляет. У меня и такого счастья не было. Моя мать никогда не покрывала мою лень и разгильдяйство, к тому же она работает в той самой школе, где я учусь. Меня тошнит от ее честности, но, как ни странно, я и уважаю ее за это.

Страх смерти сильно меня измучил и изменил. Отцу я об этом прямо не говорил, но подталкивал к разговору. Он отвечал, но все не то, например про Льва Толстого, пережившего страх смерти. Якобы рано или поздно это чувство настигает каждого нормального человека. Но при чем тут каждый, а тем более Лев Толстой?! Я так понял, что он переживал страх смерти в философском смысле, а я в житейском, если не сказать грубее – в животном.

Раньше что... И армия была другая, и война. Там присутствовали понятия долга и чести. А в наше время, как ни прискорбно, этого нет. Моя Родина нечестно со мной поступает и не выполняет своего долга по отношению ко мне. Если в двенадцать лет человек мучается страхом смерти, и совсем не в философском смысле, может он сказать спасибо Родине за счастливое детство?

Какой такой страх был у Толстого, я когда-нибудь поинтересуюсь, если со своим благополучно разберусь. Остроту момента я сумел пережить, только лучше от этого вряд ли стал. На далекое будущее не рассчитываю, ничего не загадываю, живу, пока живется, стараюсь Бога не гневить, хотя и неверующий. Похоже, это называется суеверием.

Наверное, отец догадывался, что со мной происходит, и мать тоже. Но они сами страдали, что не могут мне помочь. Игорь был занят своими делами. Естественно, с Люсей я тоже не откровенничал на этот счет, но само ее присутствие в доме меня утешало. Мне нравилась ее внешность, движения, слова. Я радовался, что она есть, торопился из школы, если она была дома. Может, это была любовь? Только не надо говорить, что это была детская любовь. Чем бы это ни было, именно такого мне не хватает сейчас, и я хотел бы встретить похожее в будущем, если оно мне суждено.

Чувство было легким и веселым, никакой ревностью не омраченным. А то общее между мной и Люсей, то родственное я не сейчас придумал – я тогда это чувствовал. Во взгляде и во всем ее облике было нечто говорившее: нам хорошо, давай радоваться сейчас, все это может кончиться в один миг, внезапно. Кратковременность счастья, которое ни от кого не зависит, а менее всего от нее или от меня, я слышал в ее смехе, тихом, словно белочка орешки перекатывает. Голову на отсечение даю, что Игорь не замечал этого в Люсе.

Задумается и смотрит куда-то широко открытыми глазами, а я не знаю, что она там видит... Она ускользала, и никто не мог ее остановить. А потом ее не стало, будто и не было.

Белочка, птичка, куничка моя, никто тебя не защитил! А я должен буду защитить себя сам. Может, там, на небе, ты возьмешь на себя функции моего ангела-хранителя? Я тебя любил и ничем, думаю, не обидел.

Наверное, ты и не вспомнишь, как мы разговаривали у тебя наверху. Ты собирались на работу и попросила, чтобы я отвернулся, пока ты переодеваешься. Мы продолжали разговор, но я заметил, что краем глаза прекрасно вижу длинное зеркало платяного шкафа, в котором ты отражаешься. Ты не могла знать, куда склонены мои глаза, и заподозрить в подсматривании. Но я перевел взгляд на письменный стол, взял книгу и стал ее листать. И это не потому, что я скромный или благородный. За кем-то другим наверняка бы подсмотрел. Только не за тобой. Представляю, как ты смеешься над этой ерундой.

Я тебя очень-очень любил.

Глава 3 ВЕЧЕР ПРИ СВЕЧАХ

В ночь на пятое декабря я проснулся, как мне показалось, от шороха. В темноте за окном, словно в мультфильме, летели крупные хлопья позднего первого снега. Разумеется, снег падает беззвучно и никакого шороха не издает. Просто я очень волновался. Потом еще долго не мог заснуть, лежал и прислушивался, прислушивался.

Утром все сверкало чистотой, все было аккуратно застелено белоснежным покровом. Новорожденный снег продержался весь этот день, а утром, когда мы ехали в церковь, снежинки опускались так неспешно, что казалось, зависали в воздухе.

Поначалу меня смущило, что Игорь с Люсей будут венчаться в кладбищенской церкви, но Люся ласково сказала:

– Дурачок. Это не имеет значения. Раньше почти у любой церкви хоронили. Меня здесь крестили, теперь повенчают, и я хочу, чтобы меня здесь и отпевали. И не маши рукой, ничего ужасного я не сказала. Лучше посмотри, какая церковь веселая и уютная.

Я посмотрел. Столетние деревья с кружевом пушистых ветвей будто обнимали деревянную голубую, с синими куполками, резными наличниками и карнизами, принаряженную снегом церковь. Внутри были некрашеные дощатые стены и бронзовые люстры – паникадила. Возле икон, как цветные звезды, горели лампадки и стояли круглые высокие подсвечники со множеством огоньков горящих свечек, словно деньрожденные пироги.

Игорь в черном костюме, верзила под два метра, заметно нервничал, не то что накануне, в загсе. Рядом с ним Люся была особенно маленькой и хрупкой. До венчания она не выпускала его руки и казалась испуганной, зато во время обряда вся вытянулась, стала строгой. У Игоря свеча дрожала в руке, а у нее ничуть. Словно кто-то управлял ею.

Никогда не думал, что так трудно держать венец. Он оказался тяжеленным, руки затекли, я весь одеревенел. Я сам попросил у Люси быть ее шафером. Игорь протестовал, а она настояла.

Все было очень красиво и торжественно. И в какие-то мгновения казалось, мы попали в старину. Сияние огней, блеск икон, свечение витража, с которого на нас благожелательно взирал Христос, ангельское пение, обволакивающие запахи, платье невесты с высоким стоячим воротником и букет роз в ее тонких руках, который тетка специально привезла из Петербурга, закутав в ватную куртку, а еще легкие, невесомые тени, движущиеся за стеклами витража, – тени спокойно падающего снега… В каких веках это было?

Мама, с ее скептическим отношением к венчанию, даже слезу пустила и, застыдившись своей растроганности, спряталась за спину отца.

Все прошло складно, словно на одном дыхании, не то что в иностранных телесериалах. Когда свадьбу много раз репетируют, потом, наверно, и жениться скучно. Нельзя репетировать то, что должно свершиться один раз в жизни. Наш батюшка свое дело знал тухо – и поставит, и отведет в нужное место, и кольца велит надеть. И все в первый раз…

Этот день омрачило только появление Люсиной матери. Люся вообще не хотела сообщать ей о свадьбе, но наша мать настояла. И поначалу сватья Шура (мы с мамой меж собой звали ее сватья Шурка) выглядела вполне нормальной и приличной, хотя отец подозревал, что она немного выпила и до церкви. Зато дома, за столом, она сильно приналегла на спиртное, сама подливала себе рюмку за рюмкой, и кончились все пьяными криками и оскорбленийми.

Мы знали, что отец Люси утонул, когда она была маленькой, мать пила и, возможно, была лишена родительских прав, а может, и нет, только Люся с детства и до самой свадьбы жила у своего дядьки. С матерью она почти не общалась, но и дядя с женой не были ей близки. С любовью она говорила о другой тетке – сестре отца, своей крестной матери. Но жить она с ней не могла: та стала монахиней и удалилась от мира.

Я, конечно, мало в этом смысле, но все время думаю и не могу уразуметь: почему человек удаляется от мира, если в миру он нужен позарез? Она же как крестная мать несла ответственность за крестницу, не говоря уж о простом человеческом долге! Как же ты, раба Божья Мария, покинула ребенка, у которого мать – алкоголичка, а в семье дядьки проблемы? Почему в монастырь ушла и как рассчитываешь спасать свою душу, когда родная душа на авось брошена? Может, останься ты в миру, ничего ужасного с Люсей и не случилось бы, была бы жива и здорова...

В конце концов дядя уволок сватью Шурку из нашего дома, а Люся плакала. Наша мать была страшно обескуражена и даже попросила у нее прощения.

Отец был гораздо мягче и тактичнее матери, она же ведет себя с людьми как с двоечниками, порой объясняться с ней тяжело. Но Люся сразу потянулась именно к матери, тут же начала мамой звать, а отца, такого доброго, дичилась. Она сама смеялась и говорила: «Наверное, из меня получился бы хороший солдат. Мне нужен командир. Я люблю слушаться». Из мамы-то командир – будь здоров!

Молодые поселились на втором этаже, там две комнаты и под навесом большой балкон для чаепитий. Я переехал вниз, и хотя моя новая комната была довольно темной из-за разросшихся за окном яблонь, сделал это с готовностью.

Они любили друг друга, Игорь и Люся. Он обращался с ней как с маленькой, а она относилась к нему как к старшему, всегда за руку брала, никогда – под руку. Я видел, как она на колени к нему садилась. Ничего похожего на фильмы, где женщины усаживаются на колени к мужчинам. Она забиралась на колени, как ребенок, за шею обнимала и голову на грудь клала. В ее отношении к Игорю был даже оттенок какой-то почтительности. Только что на «вы» не звала. А он всего-то был на четыре года старше.

Видимо, они прожили бы счастливо всю жизнь. Игорь – человек ответственный, а Люся брак и семью считала священными, ко всему она еще и верующей была. Ну не то чтобы фанатично верующей, но в церковь ходила, посты соблюдала, до и после еды молитву шептала – за хлеб благодарила. Она повесила в спальне икону Богоматери, и не просто на стену, как украшение, картинку, а в угол, как у верующих принято. А про Богоматерь мне объяснила, что эту икону ей крестная подарила.

– Это Владимирская Богоматерь, – сказала она. – Видишь, как нежно она обнимает ребеночка? Такая икона называется «Умиление». Все остальные Богородицы строгие, что Тихвинская, что Казанская. А эта смотри какая ласковая.

Люся работала санитаркой в больнице, и наша мать постоянно внушала ей, что надо поступить в медучилище. Игорь с отцом тоже считали это разумным.

– Тебе нужна профессия, – учительским голосом говорила мать. – Учись, пока мы живы. Ты будешь очень хорошей медсестрой, будешь помогать людям.

И Люся кивала, соглашалась, словно и в самом деле собиралась в медучилище. Но я-то знал, что это не так. А вот знал ли Игорь? Она никогда не притворялась. Я думаю, что она и не врала никогда, просто не обо всем говорила. Неужели никто не видел, что не хочет она быть медсестрой? Если бы с ней ничего не случилось, вероятно, в конце концов она и пошла бы в училище. Из-за Игоря, чтобы не расставаться с ним. Но раньше у нее были другие устремления.

В начале марта Игорь уехал в Саратов, на соревнования. Родители собирались после работы в гости. Обычно они засиживались в этих гостях, потому что потом их привозили домой на машине.

Еще утром Люся мне заговорщицки шепнула:

– Не уходи никуда после школы: сегодня у нас будет вечер при свечах.

Я же говорю, что мы не сильно отличались по возрасту, хотя я был на шесть лет моложе.

Она ворвалась после работы с криком: «Ты уже ел? Тогда ставь быстрее чайник!» Вытащила из сумки картонку с пирожными, шесть витых разноцветных свечек, приладила их

в бронзовые подсвечники, что-то приговаривая и постоянно интересуясь: нравится ли мне, ровно ли стоят свечи? Из своей комнаты притащила вазочку с веткой сосны и прутиками вербы, а также магнитофон.

Мы задвинули шторы, зажгли свечи и выключили электричество. Люся разлила чай и поставила кассету с нежной и печальной музыкой Морриконе.

Как сказочно преобразилась наша гостиная! Возле буфета, книжного шкафа и дивана сгустился мрак, на стенах появлялись и исчезали мимолетные тени. И тут началась эта мелодия, которая особенно действует на меня. Она из моего сна, или сон из нее возник. Я видел его не один раз. В этом сне нет никаких событий, а просто стою я на очень зеленом и солнечном лугу, и так мне хорошо, радостно, что даже плакать охота. Во сне, я думаю, музыка все-таки не звучала, но непостижимым образом она связана с ним.

Я попытался рассказать Люсе про луг, а потом мы болтали о снах, моей школе и ее больнице.

Игорь у нас молчун. Меня всегда интересовало: о чем они говорят, когда остаются вдвоем? Можно ли вообще с ним разговаривать более пяти минут? Или наедине с ней он становится другим? Знаю только, что вечер при свечах с ним невозможен. Конечно, он согласится, если его попросить, но постоянно будет недоумевать, зачем сидеть впопыхах, если можно зажечь электричество?

- А тебе не противно мыть судно и подставлять его под больных? – спросил я у Люси.
– Вообще-то раньше я была брезгливая, – сказала она.
– А теперь?
– Если бы ты знал, какие они несчастные… А я молодая, здоровая, счастливая. Жалко их. Да и работать там некому.
– Потому что мало платят.
– Родственники добавляют, – доверительно сообщила она. – Не каждый день, но бывает. То десятку, то двадцатку в карманчик сунут.
– И ты берешь?
– Иначе мне зарплаты только на транспорт хватит.
– А для больных, за которых заплатили, ты делаешь что-нибудь дополнительное?
– Я для всех делаю что положено. Бывает, и за других санитарок делаю. Они смотрят на меня как на дуру, считают, что это у меня по молодости, а потом очерствею и так же, как они, буду запираться в ванной и курить, чтобы больные не дозвались. Но у нас есть и молодые, которые от больных бегают. Таких нельзя к больнице подпускать, но кто же тогда станет работать?
Магнитофон смолк, но мы не перевернули кассету.

— А насчет этих денег... — продолжила Люся, — я сомневалась, даже батюшку спрашивала. Знаешь, что он сказал? Бери у тех, кто может дать, а кто последнее приносит — у того не бери. Я сразу не сообразила и спрашиваю: как же отличить тех от этих? Он рассердился. Говорит: не отличаешь — вовсе не бери. На деле оказалось, отличить очень просто. А батюшка наш, отец Георгий, у которого мы венчались, он очень мудрый и все понимает. К нему многие за советом приходят.

Люся не просила меня не говорить маме про ее «карманные» деньги, но по ее замечанию я понял, что она не хочет этого.

— Маме бы, наверное, это не понравилось, — задумчиво сказала она.

— Летом тебе все равно придется бросить работу, а с осени будешь учиться в медучилище.

— Если поступлю.

— Обязательно поступишь. Мама по математике тебя натаскает. А у меня, между прочим, по русскому пятерка.

— Не хочу я туда поступать... — совсем тихо сказала она.

— Почему? — удивился я.

— Я открою тебе один секрет. В общем, это не секрет. Секрет только в том, что я не хочу в медучилище. А мечтала я всегда о театральном. В прошлом году поступала и провалилась. Я даже не представляла, что это такое. В Петербурге молодежь совсем другая. Они там всё на свете знают, подкованные, постоянно в театр ходят, а я была в театре считаные разы. Я же театр, считай, только по телевизору видела. А еще они хорошо одеваются и умеют себя вести.

— А ты не умеешь?

— Я вела себя по-глупому. Плакать стала, убежала. Я же провинциальная дурочка.

— Люсь, все девчонки в школе хотят стать артистками... — сказал я нерешительно, боясь ее обидеть.

— Я об этом уже думала, — отозвалась она и уставилась неподвижным взглядом в зашторенное окно.

Ни у кого я не встречал таких живых, выразительных глаз и ни у кого не встречал глаз таких неподвижных и непроницаемых.

— Ты красивая, — сказал я, чтобы утешить ее. Я и в самом деле так считал.

— Нет, Лешенька, — возразила она. — Я некрасивая, но внешность у меня для театра подходящая. Я — никакая. Потребуется, могу стать и уродкой и красавицей. Из меня можно сделать что угодно.

— Каким образом?

— Перевоплощением. Это когда чувствуешь себя другим человеком и начинаешь жить его жизнью. Ну и гримом, конечно.

— Тебе хотелось прожить много разных жизней?

— Мне не нравилась моя собственная. Хотелось стать кем-то другим. Спрятаться за чужое лицо, переживать чужие радости и несчастья. Но это раньше. А теперь я хочу быть сама собой.

— Разлюбила театр?

— Не разлюбила. Просто теперь у меня есть дом. А театр — это праздник, это вечное. Его невозможно разлюбить.

— А ты можешь сейчас перевоплотиться?

В ее глазах играли огоньки свеч.

— Ну, пожалуйста, — пристал я.

— Погоди минутку.

Люся помчалась наверх, а вернулась с книжкой.

— Это «Гамлет», — сказала она. — Ты знаешь, о чем здесь говорится?

— Нет.

— Ну хоть примерно.

Примерно я тоже не знал, и она это поняла.

– Я тебе дам почитать. Это гениальная пьеса. Гамлет – принц. И все в мире против него ополчились. Там идет борьба за власть, а Гамлет мешает. Его хотят приручить – не приучается. За это его собираются убить. Вокруг одни гады собирались, преступники, прихлебатели и изменники...

– А хороших там нет?

– Есть, только помочь ему не в силах. И девушка есть – Офелия. Она ему тоже не помогла. Она была очень молодая, глупенькая и забитая. Гамлет поначалу влюбился в нее, но у него было слишком много проблем, чтобы любить по-настоящему, а потом он увидел, что Офелия по глупости предает его, продает. И такие дела пошли, что ему совсем не до любви стало.

– А она его любила?

– Любила, – задумчиво ответила Люся. – Как умела. Она не повзросла еще. Она папу любила, брата любила, была очень послушной. И она ничего не понимала, что вокруг происходит. Офелия была хорошей девочкой, но, увы... Вот сейчас мы с тобой и сыграем сцену встречи Гамлета с Офелией.

– Я не сумею, – засомневался я.

– А говоришь: перевоплотись, перевоплотись... Мне подыграть надо. И у тебя все получится. Ты будешь Гамлетом. Я – Офелией. У нее были длинные, как у русалки, волосы. – Люся взъерошила ежик волос на голове и сказала: – Погоди еще минуту, а пока почитай эту сцену.

Она нашла нужную страницу и убежала наверх. Я успел прочесть свое задание два раза. Тут появилась она, словно принцесса, – в подвенечном платье. Фату подвернула шапочкой. Щеки у нее горели, и глаза горели, она сложила руки под грудью, ресницы опустила, как пай-девочка, и спросила шелестящим голосом:

– Принц, были ль вы здоровы это время?¹

– Благодарю: вполне, вполне, вполне, – прочел я за Гамлета.

– Принц, у меня от вас есть подношенья. – Она поджала губы. – Я вам давно хотела их вернуть. Возьмите их. – Она протянула ко мне тонкую дрожащую руку ладонью вверх.

– Да полно, вы ошиблись. Я в жизни ничего вам не дарил, – отозвался я.

– Дарили, принц, вы знаете прекрасно, – произнесла она обиженно. – С придаций слов, которых нежный смысл удваивал значение подарков. Назад возьмите ставший лииним дар. – Она подошла к столу и будто бы положила на край Гамлетовы подарки. Наверное, это были бусы или брошка какая-то. – Порядочные девушки не ценят, когда им дарят, а потом изменят. Пожалуйста...

Когда я сам читал сцену, то думал, что это «пожалуйста» сопровождает просьбу принять назад безделушки, то есть – возьмите, пожалуйста, назад ваши подарки. Но меня изумило это слово в устах Люси. Этим «пожалуйста» действительно сопровождалась просьба, но совсем другая: не оставлять ее, не забирать назад безделушки – ведь это дар любви! – не мучить ее, такую глупенькую и несчастную! Я был поражен, что одному слову можно придать совсем разный смысл, почти противоположный.

Если бы я был Гамлетом!!! Но он и не собирался приласкать Офелию или успокоить. Он ее не понимал и разлюбил. А следующей репликой он собирался ее морально уничтожить. Очень меня разозлил Шекспир, я даже замешкался, прежде чем произнести это явное оскорблечение.

– Ах, так вы порядочная девушица?

– Милорд! – воскликнула Офелия со слезами на глазах.

– И вы хороши собой? – взревел я, почти ненавидя Гамлета.

– Что разумеет ваша милость? – испугалась моя бедная Офелия.

¹ Курсивом выделен текст трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» в переводе Б. Пастернака. – Ред.

Я понял, что она сейчас заплачет.

— То, что, если вы порядочная и хороши собой, вашей порядочности нечего делать с вашей красотой.

— Разве для красоты не лучшая спутница порядочность? — беспомощно спросила она, и беззвучная слеза покатилась по щеке.

— О, конечно! И скорей красота стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано, — изрек я учительским тоном своей матери, а затем попытался придать голосу оттенок мечтательности: — Я вас любил когда-то.

— Действительно, принц, мне верилось... — отозвалась она с надеждой, почти неслышно.

И так далее, и так далее... Как мне понравилась эта игра! Я был просто в восторге! Дочитав сцену, я попросил начать новую.

— У Гамлета есть лжедрузья — Гильденстерн и Розенкранц. Большие подлецы. С ними Гамлет ведет замечательный разговор про флейту. Правда, хорошо бы тебе знать текст заранее, подумать над ним.

— Я еще подумаю. А сейчас давай про флейту, — потребовал я.

Она сделала кое-какие режиссерские указания, и мы исполнили сцену со лжедрузьями. Ими был я, а Люся — Гамлетом. Потом читали сцену с покойным отцом Гамлета, ставшим призраком. После этого мы выдохлись и захотели есть.

— Будем еще играть «Гамлета»?

— Если хочешь, — пообещала Люся. — А пока возьми книжку и прочти, ладно? — И вдруг забеспокоилась: — Родители вернутся, а я в таком виде!

— Подумаешь...

— Неловко как-то.

Она побежала переодеваться, а мне велела поставить чайник и готовить бутерброды. Когда она вернулась, я снова стал приставать к ней с «Гамлетом»:

— Так почему ты считаешь, что Офелия не любит Гамлета? Я этого что-то не заметил.

— Да любит она. Только по-детски. Я же сказала: она хорошая девочка, правильная, правдивая, послушная. Очень нежная. Идеальная. Таким не место в грубой жизни. Она как цветок. С ней неосторожно обращались и сломали ее.

— Как сломали?

— Прочтешь сам. Она свихнулась в конце. А в самом-самом конце — утонула.

Мы замолчали, думая каждый о своем. И вдруг она говорит:

— Сейчас пойдет дождь.

— Не пойдет, — возразил я.

Чайник закипел, и пока Люся разливала чай, я услышал по подоконнику: тук-тук.

— А ты не верил! — торжествующе сказала она.

Мы дождались родителей, посидели немного все вместе и разошлись. Звук дождинок по моему подоконнику был совсем другой, чем в гостиной. Какой-то тупой и безвольный: пып-пып!

Дождь все шел и шел, съедая мартовский снег. Я отодвинул занавеску на окне. Люся еще не спала. Свет из ее окна падал на яблони, и темные их ветви были усеяны дрожащими сверкающими каплями. Я зажег лампу над кроватью, улегся и открыл книгу.

«Кто здесь?» — спросил незнакомец в плаще.

«Нет, сам ты кто, сначала отвечай», — откликнулся дозорный на площадке перед замком датских королей — Эльсинором.

«Да здравствует король!» — звонко произнес пароль незнакомец, и дозорный узнал его.

Глава 4 СТАРЫЙ СУНДУК

«Несчастье за несчастием, Лаэрт! Офелия, бедняжска, утонула».

«Как – утонула? Где? Не может быть!»

«Над речкой ива свесила седую листву в поток. <...> Ей травами увить хотелось иву, взялась за сук, а они подломись, и как была, с копной цветных трофеев, она в поток обрушилась. Сперва ее держало платье, раздуваясь, и, как русалку, поверху несло...»

Мне кажется, специально я не учил наизусть «Гамлета». Если только в первые дни после вечера при свечах. Мне хотелось поразить Люсю знанием текста. А потом я просто читал пьесу, много раз читал, потому что она мне нравилась, и слова ее входили в меня так естественно, словно я уже когда-то знал их, а теперь только вспоминал.

Стихи, заданные в школе, я учу очень быстро и легко, с такой же легкостью большая их часть испаряется из головы. А Шекспир оставался. Значит, он мне созвучен? Прочел его сонеты. Не вдохновили. Познакомился с «Ромео и Джульеттой» и «Королем Лиром». Оставили равнодушным. Может, возьмись я впервые за эти пьесы вместе с Люсей, и они показались бы мне такими же замечательными, как «Гамлет»?

… Я так задумался, что не сразу заметил, как моя бабка сложила платье, засунула его в сумку и отваливает. Тронулся вслед за ней, а когда дошли до переулка, подождал немного, выглядывая из-за поворота. Переулок миновал бегом. Между домами, во двориках, заросших старыми тополями, ничего не стоило оставаться незамеченным. Только я не знал, где же лучше всего подкатить к ней с разговором.

Бабка подошла к остановке, и тотчас появился автобус. Гигантскими скачками мне удалось долететь до него и в последнюю секунду с трудом втиснуться. Бабка продвигалась вперед, а меня на следующей остановке вынесло наружу, но я снова пробился в автобусную толчью.

Она жила за рекой, на Картонажке – в районе картонажной фабрики. Вылезла на кольце. Тут многие выходили, так что какой-то участок пути я следовал за ней, не опасаясь быть обнаруженным. Потом она свернула на улицу, ползущую в горку, а когда я решил, что пора подойти к ней, толкнула калитку – и была такова.

И что же мне следовало предпринять? Я с полчаса прождал автобуса, вернулся на рынок за картошкой и, совершенно измочаленный, поплелся с полным рюкзаком домой. Мать, конечно, ворчала, что застрял, а я пребывал в тупой задумчивости.

Наконец я спросил ее:

– Ты не помнишь, куда подевалось Люсино свадебное платье?

– Я думаю, его забрала сватья Шурка, когда приходила за вещами. Вероятнее всего. А может, – сказала она, – платье осталось в нашем доме? В сарае стоит сундук со старой одеждой, у меня просто не было сил его разобрать. Тряпки будят воспоминания. У мужчин – не знаю, у женщин – да. Я обещала заехать позже и забрать, что мне нужно.

– Так что же ты?

– Не дошли руки.

– Поедем, – предложил я. – Хочется на дом посмотреть.

– Нет, – сказала мама. – Не могу.

– Я просто так предложил. Подумал, за компанию со мной тебе будет легче…

Она отрицательно мотнула головой, но часа не прошло, говорит:

– Ну что? Не раздумал ехать домой?

Резануло меня это «домой», напрасно я матери душу рву. Но, видать, ей и самой хотелось навестить дом.

Отец умер через год после исчезновения Люси. Он никогда ничем не болел. Если ему и нездоровилось, он не жаловался. Последнее время перед смертью его преследовали головные боли. Раньше он никаких таблеток не употреблял, а тут стал чуть не пачками есть анальгин и уверял, что на него действует перемена атмосферного давления и магнитные бури. Многие мучаются головными болями, многие жалуются на погоду. Настоящего беспокойства за отца никто не испытывал. А кончилось у него все инсультом, вызванным загадочной и зловещей «аневризмой». Некоторым в таких случаях делают операцию, но отец, как сказали врачи, неоперабелен. Еще врач сообщил, что от такой же болезни умер Андрей Миронов. Может, он думал таким образом нас утешить, но это совсем не утешительно.

Пережили потерю очень тяжело. Мы все осиротели, и мать в первую очередь. И дом осиротел, и сад. Грядки и клумбы к осени превратились в травяные джунгли. Я не подозревал, что за одно лето садово-огородное хозяйство, ухоженное, благополучное, может приобрести такой запущенный вид. А зимой в нашем семействе случилась еще одна перемена: Игорь женился.

Сначала он развелся с пропавшей без вести Люсей, что оказалось достаточно простым делом, ну а потом оформил брак с Настей. Обошлись без всяких свадебных торжеств и даже без белого платья.

Все, словно в насмешку, твердили, что новая жена внешне очень подходит Игорю. Высокая, крупная, наверное, красивая, с разрядом по плаванию. Наша Люся по сравнению с ней выглядела серенькой мышкой.

Настины родители так давно разошлись, что с отцом она не успела познакомиться. Мать умерла примерно тогда, когда и наш папа. Всем была Настя хороша, а потеря родных людей особенно должна была нас сблизить. Но не полюбили мы ее: сердцу не прикажешь. Игорь сумел забыть Люсию, а мы с мамой не забыли и называли Настю между собой казанской сиротой. Без всякой язвительности и недоброго чувства. От отсутствия симпатии.

Вместе прожили недолго. Игорь предложил разъехаться, мама согласилась. Дом продали удачно благодаря хорошему району и участку, Настину комнату тоже продали и купили две двухкомнатные квартиры. Наша требовала изрядного ремонта. Комнаты были смежными, поэтому пробили стенку и сделали дверь в коридор, а существующую между комнатами заложили кирпичом. Штукатурили, клеили, красили, приводили в порядок полы. Мне даже показалось, что суeta с переездом и ремонтом немного отвлекла мать и привела в чувство. Но суета кончилась...

Люди, купившие наш дом, – беженцы из Баку, русские. Отношения у нас сложились нормальные, но у них свои несчастья, у нас – свои.

Мать со времени переезда ни разу не навещала дом, а я бывал – смотрел на него издали. Как пришли, мать отправилась общаться с хозяевами, а я бродил по саду.

Вишня стояла белая, на каштане распустились свечи-пирамидки. Цвели отцовские тюльпаны, садовые незабудки, жарки и бадан. Альпийская горка пестрела розовыми огоньками, желтыми зернышками и лиловыми кисточками. На огородных грядках появились всходы. Под кроной клена я нашупал глазами крюк, рядом, на сосне, – второй. Когда-то здесь висели качели.

Утренний порывистый ветер утих, умерил свой пыл, теперь он копошился в кронах деревьев, поигрывал их верхушками, поворачивая листья изнанкой. Этого шелеста, под который я привык есть, спать и делать уроки, как оказалось, мне очень не хватало. В новой девятиэтажке были другие звуки: шипение машин по асфальту, уличные крики и постоянные звуки металлического рока из квартиры наверху – бух-бах-бух!

Как по-дурацки все сложилось. Как же мы могли продать отцовский дом? Сгоряча показалось, что стоит переменить обстановку – и станет легче. Мы с мамой уже поняли: это была непоправимая ошибка. Жалел ли о доме Игорь, не знаю, он и пожалеет – не признается.

Мать позвала меня, чтобы идти в сарай. Зажгли лампочку над отцовским верстаком, разобрали появившийся после нас завал из досок, чтобы пробраться к сундуку. Мать боялась, что оттуда выпорхнет облако моли, – ничего подобного. Как оказалось, отец положил в сундук сухую полынь и пижму.

Конечно, Люсиного платья здесь не было. Зато мы нашли мамину свадебное платье. Простенькое, без всяких затей, и юбка короткая, совсем короткая. Никакого вида. Мама сказала, что в ее время так носили, но свадебные платья и тогда бывали длинные, наподобие бальных. У них с отцом просто не хватило денег на такое. Самым старым в сундуке оказалось зимнее пальто отцовой матери, которая умерла до моего рождения.

– Забери, – сказала мама, подавая мне старый отцовский свитер, а остальное, отряхнув от травяной трухи, аккуратно сложила и захлопнула тяжелую крышку сундука.

Она зашла попрощаться к хозяевам нашего дома. Они благодарили ее за оставленный в сундуке хлам: на огороде все сгодится.

Отцовский свитер, как потом выяснилось, я принужден был лицезреть ежедневно. Мать в тот же вечер постирала его, потом подшила, подштопала и начала облачаться в него дома, как в любимый халат. Мне это не слишком понравилось. Не люблю, когда фетишизмом попахивает. Я не боюсь, что мать свихнется, – ее нормальности на половину учительского коллектива хватит. Но со смертью отца она, конечно, сильно сдала.

Тот субботний день длился очень долго, и казалось, барахолочная моя одиссея произошла давным-давно, если и вообще случилась взаправду. Без сомнения, платье взяла сватья Шурка. Не надо наполнять свою жизнь привидениями. Возможно, я и остановился бы на этой мысли, если бы мать не вернулась к разговору о платье.

– Так зачем тебе понадобилось это платье? – спросила она. – Уж не хочешь ли жениться на Кате Мелешко? Она, мне кажется, вполне созрела для этого. Ты с ней поосторожнее, между прочим, с такими и до греха недалеко.

Вроде пошутила, юмора подпустила и наигранной строгости, но за всем этим проглядывало натуральное беспокойство.

– Мама-а, – стал я ее урезонивать, – тебе самой не стыдно такие вещи говорить?

– Стыдно-то стыдно. Но на всякий случай нужно.

Кажется, она успокоилась. А я подумал: «Катька – вот кто мне поможет! Разумеется, Катька! Что же, напрасно я сидел на этом гадском рынке три часа?!»

Но, прежде чем посвящать в свои планы Катьку, я все-таки решил навестить Люсину мать и подвергнуть ее допросу с пристрастием. Давно я о ней ничего не слышал, но если она не спилась и работает, то воскресенье самый подходящий день, чтобы застать ее дома.

Глава 5 СВАТЬЯ ШУРКА

Святья Шурка живет на Выселках. Может, когда-то они находились вне города и сюда кого-нибудь высыпали, а может, из-за дальности так назвали. История сего названия темна, по крайней мере для меня. Нынче же это очень уютный, зеленый и не такой уж отдаленный уголок города. Есть здесь и своя достопримечательность – шестиугольный дом с колоннами. Говорят, в нем живет архитектор, который выстроил это чудо по своему проекту.

Я был у сваты всего один раз, когда исчезла Люся, – по поручению мамы просил зайти к нам. Люся в этом доме родилась. Должно быть, в то время он был исправным. Но если в течение двадцати лет к деревянному дому не прикасалась мужская рука, можете себе вообразить, что это за дом. Мне даже показалось, что он немного скосился и ушел в землю. Дворик – ни травинки, но выметен, а под окнами грядки с клубникой обработаны. Калитка у сваты без запора, на веревочной петле, а вот дверь оказалась заперта. На мой стук выглянула на крыльце соседка. Я подошел к забору и спросил об Александре.

Она работала в магазине, совсем поблизости. Соседка сказала, там я ее и найду. В таких магазинчиках продается все – от еды до стирального порошка и нижнего белья. Александра узнала меня не сразу, зато потом вроде обрадовалась, засуетилась и предложила:

– Пойдем ко мне. Все равно покупателей нет, а у меня обед скоро.

Она написала карандашом: «Обед до 2 часов», вывесила бумажку на дверь, закрыла ее на висячий замок, и мы вернулись в дом. Святья предложила супу, но я отказался, тогда она налила растворимого кофе и поставила на стол пряники. Не знаю почему, но я волновался. Для начала пришлось рассказать ей о нашей жизни и записать новый адрес.

Пока она грела суп, кипятила воду для кофе и вертелась вокруг стола, я думал, пьет она или нет, и взглядом Шерлока Холмса исследовал окружающую обстановку. Может, по жилищу и нетрудно определить пьющего человека, но мне это не удалось.

Я вспоминал комнату, какой увидел ее в первый раз. Казалось, ничего не изменилось. Тогда я тоже не увидел здесь погрома, груды грязных тарелок и батареи пустых бутылок. В доме давно не было ремонта, потолки серые, обои в пятнах, но пол чистый и ничего не раскидано. Никакой «говорящей» детали я не нашел, кроме подсолнечного масла, налитого в водочную бутылку со свежей этикеткой. Но это тоже вряд ли о чем-то говорит. Александра работает в магазине, там могла и бутылку взять. Вид у Александры достаточно опрятный, но очень она постарела. Святья моложе моей матери, а выглядит значительно старше.

– Почти два месяца в больнице лежала, – сказала она. – Перенесла операцию на желчном пузыре.

- А как сейчас самочувствие?
- Осложнения были. Сейчас отошло.
- Как вы тут одна живете? Что вечерами делаете?
- Что делаю-то?.. Телевизор смотрю.

Я не представлял такой жизни – полный мрак. Когда наконец спросил у нее про свадебное платье, Александра с большой горячностью стала толковать, что не было никакого платья. Я не поверил, а она, будто догадавшись, потащила меня в соседнюю комнату.

Это была спальня. Над кроватью висела увеличенная фотография Люси в непонятном возрасте. Здесь ей можно было дать и двенадцать, и семнадцать лет. Рамка фотографии была обвита фатой. Она спускалась сверху, так иконы украшают вышитыми полотенцами.

– Вот что я взяла, – указала на фату Александра. – Вещи тоже здесь. – Она открыла шкаф и вывала на постель какое-то тряпье. – Кое-что отдала для племянницы... – извиняющимся тоном добавила она. – Сносит, детям теперь много надо.

Или отдала, или пропила, решил я. А про подвенечное платье поверил. Только она подумала, что мы подозреваем ее в чем-то, а может, собираемся попросить вернуть платье. Чтобы не беспокоилась, я рассказал ей про рынок.

– Наверное, обознался. Я же в фасонах ничего не смыслю.

– А не Игорь ли продал? – настороженно спросила она.

– Это совершенно исключено. Он бы не стал. Он и не смог бы. Игорь у нас даже в магазин не ходит. Он и купить ничего не может, а уж продать…

Оставил я Александру в глубокой задумчивости, запустил ей, как говорится, таракана под черепную коробку. И эта ее озадаченность еще больше укрепила меня в мысли, что платье она не брала. Зря потревожил ее.

По дороге домой я встретил соседку, и у меня мелькнула мысль спросить, пьет ли Александра. Но спрашивать не стал. Зачем мне это? Александра с серым лицом и вся ее серая квартира, где мало мебели, старый черно-белый телевизор, фотография Люси, убранная фатой, еще долго стояли у меня перед глазами. Очень жалел я сватью Шурку, но даже в память о Люссе помочь ей ничем не мог.

Глава 6 МИЛОЕ СОЗДАНИЕ

Катюша – милое создание, пушистый нежный персик. Ее мать меня обожает. Она считает: пусть лучше бойфренд, чем «Агата Кристи». Вообще-то я тоже так считаю. Мамаша впускает меня в комнату к «персику», та, в цветных подштанниках, которые имеют замысловатое иностранное название, лежит на тахте и впитывает любимые голоса: «Когда я на почте служил ямщиком, ко мне постучался косматый геолог...» Тыфу!

У меня к Катьке непреодолимое притяжение. Бывает, мы обнимаемся и целуемся. Вроде бы в шутку, дурачимся. Если бы мы целовались всерьез, возможно, она отлипла бы от своей «Агаты Кристи» и стала нормальным человеком. В лице «Агаты Кристи» я столкнулся со сверхмощным соперником. Не в моих силах его победить. Иногда Катька сама ко мне прикивает, обнимает, и вид у нее такой нежный, беззащитный, но в основном шипит, как кошка: «Отлезь!»

Если бы ей возможностей побольше и решительности, она бы далеко пошла. Я слыхал, что эти фанатки объединяются в кучи и ездят по городам за своими кумирами, прорываются на концерты, караулят у подъездов. А для кумиров, похоже, это как наркотик.

У Катьки приличная семья, бродяжничать ей не позволят. В нашу дыру «Агата...» никогда не приедет. До Петербурга четыре часа по железной дороге – кто ее на концерт отпустит? Денег на карманные расходы Катьке дают много, но на бесчисленные журналы и газеты, где пишут про группу, у нее не хватает. Для пополнения коллекции статей и портретов Катька ходит в читальный зал, просматривает прессу. И если находит что-то новое, вырезает бритвочкой. Я ей сказал, чем дело кончится, если ее поймают. Теперь она в разные библиотеки ходит.

– Очнись, – говорю. – Это я, твой косматый геолог.

Ноль внимания, фунт презрения! Лежит, вытянув свои хорошенъкие толстенькие ножки, прикрыв голубые глазки.

Тогда я гаркаю что есть мочи:

– Подъем!

Нервная система железная. Она выключает магнитофон и спокойно говорит:

– Урод и кретин.

– Конечно, куда мне до некоторых!

После сей фразы повисает долгое молчание. А мне совсем не резон с ней сейчас ссориться.

– Фанатеешь все? – наконец спрашиваю доброжелательно или, по крайней мере, нейтрально.

– Вроде того, – заявляет безразличным тоном.

– Вообще-то я вывести тебя хотел. Воздухом подышать. – И, понимая, что должен завладеть ее вниманием, говорю: – Сейчас открою тебе один секрет.

– Какой?

Наконец-то заинтересовалась.

Я рассказал ей про рынок, платье и свой план. Она должна явиться к бабке и сказать, что слышала, будто та продает свадебное платье. Также хорошо бы разузнать, откуда оно у старухи.

Катька выслушала меня и задумчиво пропела:

– «Давайте, Люся, потанцуем, нам жизнь дает прекрасный шанс. Давайте, Люся, потанцуем, теперь зависит все от вас...»

– Только перестань пошлить. – Меня это очень раздражало. – Тошнит от твоей «Агаты».

– А ты вообразил, что это «Агата»? Там же философия! А тут тупизм типа «Ксюша – юбочка из плюша». Не ловишь мышей?

– Ловлю. Так мы идем?

– Идем. Только убери клешни, не лапай меня! И выди, мне надо переодеться.

– Отвернусь, одевайся.

– Выди вон и закрой за собой дверь!

Вот такое у нас славное общение.

Появилась она в юбочонке, которая с трудом прикрывала зад.

– Кать, ну это совсем не тот прикид. Представь себе бабкину психологию, она же с тобой и говорить не станет.

– Пусть мой прикид тебя не волнует, и с психологией я сама разберусь.

Хотелось бы надеяться. Но вид у нее, во всяком случае, был вполне половозрелый. И росточком она не выше Люси, правда, все окружности и округлости серьезно превосходили Люсины.

– Не вздумай мерить платье, – предупредил я по дороге, – ты в него не влезешь. Твоя задача все выяснить и отвалить.

– Только, пожалуйста, не учи меня, – ответила она высокомерно.

Я присел невдалеке от бабкиного дома на лавочку возле забора. Рядом сидел дедушка – божий одуванчик, в зимнем пальто и обрезанных валенках. Между коленками держал палочку. Он на меня никак не прореагировал. Должно быть, он и не ходил сам – вывели погреться на солнышке.

«Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей (про сливовый клей мне очень нравится!) и что у них совершенно отсутствует ум и очень слабые ляжки... Я охотно верю... Всему этому, сэр, я... верю... Только публиковать... считаю бесстыдством... Публиковать это считаю...»

Забыл!

«Всему этому, сэр, я охотно верю...»

Стал забывать. А ведь половину «Гамлета» наизусть знал. С Люсей мы общались преимущественно цитатами из Шекспира. Если, к примеру, она спрашивала меня, где сахарница, солонка или что-то другое, я тут же отвечал:

«Не могу, сэр».

«Чего, милорд?» – Она изображала удивление.

«Дать вам надлежащий ответ. У меня мозги не в порядке».

Вместо простого спасибо говорилось:

«Благодарю вас, друг мой. – И прибавлялась ремарка: – Плоний уходит».

Если отец вставал от телевизора, ругаясь по поводу телесериала, клипа или рекламы, следовало замечание:

«Раз королю неинтересна пьеса, нет для него в ней, значит, интереса».

Если мать объявляла, что идет готовить обед или ужин, изрекалось:

«„Покамест травка подрастет, лошадка с голоду умрет...“ – старовата поговорка».

Стоило застать друг друга с книжкой, газетой или телепрограммой в руках, как полагался следующий диалог:

«Что читаете, милорд?»

«Слова, слова, слова...»

«А в чем там дело, милорд?»

«Между кем и кем?»

«Я хочу сказать, что написано в книге, милорд?»

«Клевета. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах...»

Старик по-прежнему неподвижно сидел на лавочке, опираясь руками на клюку и уставясь в землю. Я с беспокойством посматривал на часы: Катька не возвращалась. И я вдруг вообразил, что она может никогда не выйти из этого проклятого дома. «Через десять минут пойду на розыски», – решил я. Но Катька появилась раньше.

– Ну что? – Я подбежал к ней.

– А платье очень необычное, будто старинное, – мечтательно сказала она. – В нем есть нечто... Я не могла удержаться, чтоб не примерить. И чего это ты говорил, что я не влезу в него? Чуток тесновато, но прекрасно влезла.

– Ты узнала, что требовалось?

– И более того, – загадочно ответила она. – Не понимаю, почему ты постоянно во мне сомневаешься?

– Говори.

– В этом платье венчалась ее внучка. Купили его у соседки слева, видишь зеленый фронтон? Там невестка в нем выходила замуж. А невестке с зеленым фронтоном платье досталось от соседки справа, угловой дом на горушке. Вот тебе и вся цепочка событий.

Я потащил Катьку смотреть угловой дом. Он дремал под солнышком, как давешний старик на скамеечке. Три окна на улицу были завешены тюлем.

– А слабо тебе зайти сюда и разведать про платье?

– Слабо, – отозвалась она. – Мне надоело участвовать в этих глупостях. Здесь нет никакой загадки. Даже если Люсина мать тебя не обманула, продать платье могла сама Люся. Ты говорил, что у нее была какая-то тайна, она чего-то боялась. Часто за такие вещи приходится платить. Деньгами тоже.

Она в общем-то совсем не глупая, эта Катька, но бывает до чрезвычайности вредная и бес tactная. Мы с ней шли пешком, презрев автобус, и каждый думал о своем. Временами она самоотречение мурлыкала:

– «Чтобы выпить двести грамм, пойди возьми стакан из тонкого стекла, а лучше хрустального, чтоб отражалась в нем вечерняя заря и чтоб играло солнце...»

Ее любимая песня. И это она считает философией!

Перед сном я открыл позабывшегося «Гамлета», Люсину книжечку, которая так у меня и осталась. Тишина стояла вокруг. Когда смолкают звуки города, со стороны железной дороги явственно слышны поезд и электрички. Та-та, та-та, та-та – доносится долго и тоскливо. Может, знай я это постукивание с детства, казалось бы мне оно романтичным? Но в детстве

я привык слышать, как ветер шелестит в деревьях, как дождь шуршит в листве, именно шуршит, потому что здешний дождь только и умеет бессмысленно лупить по подоконнику. Как снег пойдет зимой, я тоже не услышу, это больше никогда не повторится. А если мне суждено жениться, то будет у меня какая-нибудь задастенькая Катька. Она никогда не скажет мне: «*Да, милорд*», «*Нет, милорд*».

Глава 7 НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Первого июня писали математику. Я еще успел и Катьке помочь.

Домой возвращаться не хотелось. Мать является с работы не раньше шести. Вышел из школы с Катькой – ее дом как раз напротив, – попробовал напроситься в гости, но она отговорилась домашними делами, будто не я только что решил ей квадратное уравнение.

Не знаю уж как, но через некоторое время я обнаружил себя на пути к Картонажке. Дотепался до известной улочки, добрел до дома рыночной бабки, а потом до того, в три тюлевых окна, углового.

Напротив стояла каменная часовенка, облупленная – кирпич меж штукатурки светится. Без купола. Окна и двери забиты железом. Стояла она на перекрестке улиц, а меж ней и забором, огораживающим частное владение, разрослись кусты, и сверху пологом нависла густая корона отцветшей черемухи. Проверил – чисто, никто не использует укромный уголок в качестве туалета. Молодая травка лоснится, а по краю, на солнце, – пушистые его собратья, маxровые солнышки одуванчиков.

Забрался внутрь. Классный наблюдательный пункт. Притулился к развилке черемухового ствола. Посидел. Интересующий меня дом был глух и слеп: ни калитка не скрипнула, ни тюль на окошках не дрогнул.

Гусеничка спустилась вниз на паутинке. Потом рассматривал паука, заставляя его ползти с ладони на ладонь. Тельце его походило на продолговатую зеленую, как лист салата, бусину, а голова – на круглую янтарную. К голове прилепились две черненькие бисеринки – глаза. Ляжки у паука были розоватые, литые, а от колена ноги поджарые и волосатые.

В засаде я просидел около часа. За это время по улочке не прошел ни один человек. Только кудлатая коротконогая собака очень деловито пробежала сначала в одну сторону, а потом в другую. Я уже собрался отчаливать, но внимание мое привлек участок между рыночной бабкой и моим подопечным домом. Двор хорошо просматривался сквозь штакетник, а там в коротком халатике появилась рыжеволосая девчонка с тазом выстиранного белья. Повернувшись ко мне задом, она принялась встряхивать его и развесивать. Вьющиеся крупной волной бронзово-рыжие волосы плескались по спине. Свободный халатик поднимался вместе с ее руками. Картина открывалась впечатляющая. Развесив белье, девчонка подхватила таз и скрылась, а я отправился восвояси.

Решил прибыть сюда завтра пораньше и узнать, кто живет в доме. Я понимал, что маюсь дурью. Мне нечего было делать, а также я хотел помучить Катьку: надеялся, что заскучает без меня, а возможно, и озабочится, где же я обретаюсь. Разумеется, я не скажу где, потому что она сочтет, что «у меня мозги не в порядке». И будет права.

Я уже спустился по улице, когда навстречу мне попался двухсотый «мерседес». Обернулся ему вслед, но не понял, у какого дома он остановился.

На следующий день я занял наблюдательный пункт в восемь утра, и мои старания увенчались успехом. Около девяти из дома вышли два мужика. Один – молодой, то ли небритый, то ли отпускающий бороду. Другой – лет пятидесяти. А может, шестидесяти. Мужики как мужики. У молодого через плечо перекинута средних размеров темная матерчатая сумка.

Вывод? Нет вывода.

Еще через полчаса бабка вышла. Лет пятидесяти пяти. А может, шестидесяти пяти. Черт их разберет! Тоже обычная бабка, с кошельками. Вскоре возвратилась. Судя по всему, ходила в магазин. Накупила много, в обеих руках принесла. Возвращения мужиков я не дождался, но видел кое-что поинтереснее.

Около полудня к дому подкатил «жигуль». Трое мужчин остались в салоне, а четвертый вылез и тихо поскребся в крайнее окошко. Он не пошел к калитке, а дождался, пока вздрогнула занавеска и рама отворилась. Кто открыл окно – я не видел из-за спины мужчины. Так же внезапно оно затворилось, мужчина сел в «жигуль», и тот укатил.

Вообще-то ничего странного в этом эпизоде не было, тем более в доме вряд ли имелся телефон.

И еще через день я был на Картонажке в своем укрытии. Бабка выходила из дома один раз, но если и была в магазине, то купила какую-то малость. Зато в соседнем доме, в окне, выходящем на улицу, я заприметил рыженьку. Поначалу она сидела у открытого окна с книжкой, а потом разделась до купальника и переместилась на подоконник. То, что не кавалеров она ловила, – однозначно: по улице почти никто не ходил. Она загорала и готовилась к экзамену. За девятый класс она сдавала или за одиннадцатый – определить по внешнему виду да еще с такого расстояния я не мог. Теперь за домом, ради которого сюда приходил, я наблюдал постольку-поскольку, зато за рыженькой – весьма пристально.

Глаза я распахнул, когда на горбатую уличку влетел черный БМВ. И точно, он остановился возле углового дома. Вышел разухабистый парняга и постучал в крайнее окно. Оно отворилось, произошли какие-то переговоры, рама закрылась, но парень остался ждать. Через несколько минут окно снова открыли. Ожидавшему что-то передали. Я видел, как он опустил в карман какой-то маленький предмет. Машина проплыла обратно.

Пока я наблюдал за событиями у дома, девочка в окне исчезла. Мне почему-то стало скучно, я вылез из своей черемуховой беседки и поплелся домой.

В тот же вечер я наткнулся в газете на заметку под названием «Детские игры мужчин». Там было написано: «Каждый мужчина играет в те игры, в которые он недоиграл в детстве».

Как оказалось, Александр Грин мастерил луки и стрелял из них. Аркадий Гайдар запускал воздушных змеев. С Максимом Горьким – сложнее: он обожал разводить костры и устраивать пожары в пепельнице. Драматург Островский выпиливал лобзиком. Антон Павлович Чехов провел свое детство в затхлой атмосфере отцовской лавки, а потому вволю не наловился рыбы. Лев Толстой в детстве недособирал грибов, а также не утолил страсть к пилке дров, косьбе и строганию рубанком. Один иностранный чудак, композитор, отвел в своем доме две комнаты под действующие модели железных дорог. Однажды ему сообщили, когда у него концерт, на что композитор сказал: «Не могу, в этот день у меня назначен пуск железнодорожной линии Стамбул – Париж».

Я сразу понял, что означали мои дежурства на наблюдательном пункте. Просто в детстве я недоиграл в сыщика. Помню, как мы с Борькой следили за соседом. У того из гаража раздавались странные звуки. Следили на полном серьезе, считая его шпионом, хотя все знали, что машины в гараже нет: сосед отдал ее сыну, а сам с женой держит там кроликов.

В доме на горбатой уличке и в его автомобильных посетителях было нечто странное. Но не более чем в запертом на замок гараже, где хрумкали капустку кролики.

На Картонажку я больше не ходил. Пятого июня сдал биологию, девятого писал изложение по отрывку из «Слепого музыканта» Короленко. Впереди была еще физика. В том, что я получу не меньше четверки, даже если учебник не открою, я не сомневался, и спокойно читал новеллы Стефана Цвейга.

Из трех наших девятых классов решили сделать один десятый, но желающих и на один не набралось. Сильно пугали сложностью испытательных экзаменов, кое-кто сдрейфил и пошел поступать в другие школы. И к нам пришли чужие ребята, возможно по той же причине.

Погода почти полмесяца стояла по-настоящему летняя, каждый день – солнце. Несколько раз с парнями ездили купаться. Катя демонстрировала гордость и равнодушие. Я спросил ее про летние планы, она ответила:

– Собираюсь отдыхать на Мальорке. Это остров такой.

– В таком случае я на Минорке. Это тоже такой остров.

Потом я подумал: а щутила ли она? Ее предки достаточно состоятельны и для Мальорки.

В детстве я с родителями однажды ездил на юг, а больше путешествовать не доводилось. Летние каникулы я обычно провожу у тетки в Петербурге. И в этом году мы с мамой собрались. У мамы отпуск с конца июня. Предполагалось, что я ее подожду и тронемся вместе. Но так обрыдло мне все окружающее, ну прямо до невозможности, что решил я убраться сразу после физики. А мама пусть приезжает, как освободится.

И уехал бы я, и лето бы пролетело, а там и новый учебный год начался, и все пошло бы себе, поехало по накатанной дорожке, как обычно. Но попутал меня черт. Случилось это вечером шестнадцатого, когда закончились экзамены. Через два дня я собирался помахать родному городу ручкой, а на прощание решил прогуляться до Картонажки. Думал, в последний раз.

Глава 8

Я УЗНАЮ ТО, ЧТО ЗНАЮТ ВСЕ

Перед моим поднадзорным домом стояли сразу две машины, у приоткрытого окна проходили оживленные переговоры. Я обошел часовенку и с тылу поднырнул в свое укрытие. Не успели машины отчалить, как появились трое пеших. Двое ждали в стороне, один разговаривал у окошка. Чуть позже подошла девушка, позвонила у калитки. Девушку впустили во двор, но она там не задержалась.

Судя по всему, жизнь в этом доме протекала по вечерам, а может, даже и по ночам, и жизнь подозрительная, не думаю, что хорошая. Пост я покинул в одиннадцать, а незадолго до того к заветному окну приезжал парень на велосипеде.

На следующий день к полудню поперся в школу: должны были вывесить списки зачисленных в десятый класс. Я и без того знал результат, однако явился и даже выискивал в списках свою фамилию. Из нашего класса поступали двенадцать человек. Один не сдал письменную алгебру, остальные поступили.

— Это надо отметить, — сказал Кожемяка. — Всех приглашаю к себе на дачу. С ночевкой. Родители остаются дома, я договорился.

— Что же вчера не предупредил? — завелся кто-то из парней.

— Ты поедешь? — спросил я у Кати.

— Если отпустят. С тобой, наверное, отпустят.

Договорились встретиться в шесть вечера на остановке автобуса. Поскольку ни у кого не было с собой денег, сложиться и купить провизию мы не смогли. Решили: пусть каждый купит бутылку и что-то из еды на двадцать рублей.

Двадцать плюс восемь на дорогу — для меня это сумма не пустяковая. Но прежде чем доставать деньги, хотелось удостовериться, поедет ли Катька. Мы зашли в детский садик, где начальствует ее мать, и получили согласие. Правда, перед этим она позвонила родителям Кожемяки, а я заверил ее, что доставлю Катьку завтра днем в целости и сохранности.

Теперь мне предстояло решить свои проблемы. Я уже знал, что для начала попробую тряхнуть Игоря: раз в месяц он подбрасывал мне на карманные расходы.

Своего брата я нашел в спортивной школе, и он расщедрился на двадцать. Затем я вернулся в школу, доложился матери, получил благословение и еще десять. Оставалось сделать покупки и найти моего соученика, теперь уже бывшего, Сусолова. Про него я вспомнил еще накануне.

Место обычной сусоловской тусовки возле кинотеатра «Мир», который ныне стал разноплановым заведением, где на первом этаже находятся магазин, игровые автоматы, а также бар и ресторан «У Дениса». Денис — крутой мэн, старший брат Сусолова, поэтому его хозяйство знакомые называют также «У Сусола».

Тусовка была на месте. Парни от двенадцати до шестнадцати подпирали стены бывшего кинотеатра и о чем-то базарили. Кое-кого я знал в лицо и даже по имени. Здесь мне и сообщили, что Юрка Сусолов работает в «игровых автоматах». И точно, он сидел в будке у входа, продавал жетоны, менял деньги на мелочь и т. д. Автоматы мигали разноцветными картинками и огоньками, звенели и пищали.

Я сел на порожек Юркиной будки, и поначалу мы поговорили обо всем понемножку, в основном-то, конечно, про наших. Кто где устроился. Юрка сказал мне, что заменяет заболевшего кассира, а вообще-то будет работать у брата в баре и какая пойдет кучерявая жизнь. Я выразил восторг по этому поводу и, наладив тем самым возможные дружеские доверительные отношения, перешел к делу. Я рассказал ему о доме на Картонажке и спросил, что означают «оконные» визитеры.

– Ты что, дурачок? – изумился Юрка. – Про Картонажку детсадовские знают. Там наркотиками торгуют.

– Ты уверен?

– С тобой полный облом! – Сусол постучал по своей большой и лохматой башке. – Я-то уверен. Там наркоманское гнездо. Весь сбыт в городе оттуда.

– Все знают, а милиция не знает?

– Ты даун или притворяешься? Милиция куплена. Она еще их и охраняет. Обычное дело.

– Спасибо, просветил.

– Пожалуйста, всегда обращайся, если сам не врубишься.

– Непременно, – пообещал я.

Возможно, я и даун. Кое во что действительно не въезжаю. В фэнские штучки, например, не въезжаю, в философию «Агаты Кристи» тоже. Где наркотики продают, не знал. Самое смешное, что все это несложно узнать, но зачем мне это?

Я по отцу скучаю и очень жалею, что место худенькой странной Люси заняла спортивная яркая Настя. Если бы Люся была с нами, о продаже Дома с башней даже мысли бы не возникло. А еще это подвенечное платье, как призрак отца Гамлета, вопиющий об отмщении! Я знаю, откуда на свет Божий выплыло это платье. А теперь я знаю также, что там, откуда оно выплыло, наркоманский притон. И что мне делать с этим знанием?

Вдвоем с Борькой мы что-нибудь придумали бы, но теперь мне и поделиться не с кем. За два с половиной года я потерял Люсю, отца и друга.

Летом, уже после смерти отца, Борька сказал мне, что Слон из нашего класса и один парень из параллельного позвали его на дело. Недалеко от садоводства, куда мы собирались сегодня на гулянку, проходит железнодорожная линия. Там есть глухое место, где поезда стоят перед семафором. Может, и не все, но ежедневный товарняк в одиннадцать вечера стоит. Кругом лес. Сбить пломбу с вагона и вывалить несколько коробок времени хватит. А в коробках и сигареты, и тряпье, и что угодно. Слон с компанией уже дважды поживились таким образом.

– Видел джинсы на Слоне? – спросил Борька. – Это тебе не какое-нибудь фуфло! Продается все мгновенно. Делов – тьфу! Навар тоже небольшой, но для нас сгодится. Идем?

– А как ты матери объяснишь, откуда джинсы?

– От блин! Почему ты всегда задаешь вопросы? Объясню как-нибудь! И не каждый раз джинсы везут. Может, их и не будет.

– Ну а сигареты? Куда ты их денешь?

– Все отработано. Есть такое место, где их купят и еще спасибо скажут.

– Не нравится мне эта затея, – признался я.

– Тебя моральная сторона волнует? А ты не волнуйся. Если товар частный, вообще обсуждение побоку. Грабь награбленное. Государственный – не обеднеет государство. Оно уже и так разворовано, а теперь обворовывает нас. Твоя мать сеет разумное, доброе, вечное, а получает гроши. Мой по три-четыре месяца зарплату не дают. Тебе кого жальче – мать или государство? Зарабатываешь, блин, немножко, матери отдашь.

«Вот если бы принести матери деньги, – подумал я. – Вечно она на всем экономит, носки штопает, хотя во всем цивилизованном мире этого уже никто не делает. Или купить ей что-нибудь красивое. Сама она не купит. Дать ей деньги – заготовит макарон килограммов десять, крупу, масла в морозилку заложит пачек пять, подсолнечного, разливухи, оно подешевле, несколько бутылок запасет. И успокоится».

– Так идешь или нет? – прервал мои размышления Борька.

– Не нравится мне...

– Знаешь, блин, – решительно заявил Борька, – если надумаешь, приходи ко мне в восемь вечера.

Не было для меня искушением его предложение. Но я проиграл ограбление товарняка в своем воображении и представил не то чтобы сладкую жизнь, которую оно принесет, а так – маленькие радости. Я не сказал Борьке: «Нет». А мне нужно было хватать его за руки, бороться с ним, связать и запереть в доме. Сказать матери, если не его, то моей. Я виноват. Я не чувствовал бы себя виноватым только в одном случае – если бы пошел с ним. Не связал бы я его: он всегда сильнее был. И матери я не сказал бы ничего.

Борька сам виноват. Я не предавал его, но почему-то ощущаю себя предателем.

Они – со Слоном их было трое – засели у того семафора в лесу. Все прошло как по маслу. Но на следующий день явился милиционер и увел Борьку. Домой он больше не вернулся и в конце концов угодил в колонию. На первое мое письмо он ответил, а на все последующие – молчание. Передавал я письмо и с его матерью, когда та ездила навещать Борьку. Просил узнать, почему не пишет. Она этого не выяснила, а может, и не выясняла. Дело и так ясное: не пишет – значит, не хочет. Видать, разошлись наши дорожки.

К Борькиной матери я перестал ходить. Там одно и то же. Как увидит меня, начинает плакать и причитать: «Как же он тебе ничего не рассказал? Вы же были лучшими друзьями! Я знаю, ты бы его остановил. Ничего бы с ним не случилось». Она думает, что я не знал о Борькиных планах.

После того как Борькиного брата привезли в гробу из Чечни, она очень сдала, похудела, поседела. А после того как Борьку в колонию отправили, совсем постарела, щеки ввалились, морщинами лицо затянуло, и запущенная какая-то стала, неопрятная, на Бабу-ягу похожая. Недавно я увидел ее на улице и юркнул в магазин, чтобы избежать встречи.

Глава 9

В КАНАВЕ АНГЕЛЫ ПОЮТ

Посмотрел: сухое вино дороже водки, думал-думал и купил бутылку водки. На еду осталось всего ничего. Зашел за Катькой. Она больше чем на двадцать пять рублей накупила. Шампанское, килограмм сардельек и банку консервированных огурцов. К автобусу пришли семь человек: четыре парня и три девчонки.

С гиканьем пробились в автобус. Ох уж эти садоводческие автобусы! Отец говорил про них: «Данте, „Божественная Комедия“, часть первая – „Ад“». В духоте и тесноте, вперемешку с досками, рамами, рюкзаками и тележками, мучаются вместе с людьми кошки и собаки. Последние наименее терпеливы, время от времени какая-нибудь впадает в истерику и производит надсадные скулящие вскрики. Это продолжается всего двадцать минут, но такое впечатление, что три раза по двадцать.

Пропади она пропадом, такая дача! Я вообще противник дач. Может, потому, что всю жизнь прожил в собственном доме? Отец любил землю, он на ней работал, но это не значит, что нам с Игорем не приходилось копать и поливать. Сейчас мне кажется, это не было обременительно, но не помню, чтобы я любил такие радости. Однако что такое овощи с огорода, я понял только теперь, когда их надо покупать в магазине, а мы вдвоем живем на зарплату матери. Хотя подари нам сейчас садоводческий участок с готовым домом – ей-богу, отказались бы.

Года четыре назад я был в садоводстве, а еще больше наслышан о нем, но то, что я увидел, произвело на меня неожиданно приятное впечатление. Канавы по краям дорог заросли бересней, рябиной, ольхой и осиной. Около некоторых участков они были подстрижены наподобие зеленой изгороди, но в основном вздымались зеленым пламенем. Понизу стояли густые кусты люпина с розовыми, белыми, синими, сиреневыми и лиловыми цветами-свечками. Дикие пассажиры автобуса имени Данте как-то сразу рассредоточились по уложкам, словно растворились. И тихо было в этот будний вечер, благодостно. Небо блистало пронзительной голубизной, а по нему медленно и торжественно плыли белые облака с синими подпалинами.

– *Видите вы вон то облако в форме верблюда?* – спросил я Катю.

– Вижу.

– Надо отвечать: *«Ей-богу, вижу...»*

– *Ей-богу, вижу...* – без энтузиазма повторила Катя.

Я прилагал все силы, чтобы приучить ее к Шекспиру, но, мне кажется, эта игра ей не нравилась. Если бы она и знала текст, то специально отвечала бы неправильно.

Шли мы минут пятнадцать или чуточку побольше. Дом Кожемяка стоял на самой границе садоводства, у кромки леса, и был основательный, двухэтажный. Тут же к нам подкатили соседи, супруги-старики, со всяческими приветствиями. Кожемяка втихаря чертыхнулся. Понятно, им было дано негласное поручение присмотреть за нами. Впрочем, как подкатились, так и укатились, а место, где мы собирались палить костер, все равно не было видно с их участка.

Поначалу разбрелись, осматривая огород и дом, потом сложили в кучу свои припасы. Вышла нестыковка: три бутылки водки, шампанское, сухое вино, а из закуски какая-то ерунда – плавленый сырок, хлебобулочные изделия, много пряников да Катькины сардельки с маринованными огурцами. Я сразу понял, что ничего хорошего из гулянки не выйдет.

Пока Кожемяка поливал огурцы в парнике, мы разожгли костер, чистили от коры ветки, чтобы нанизать на них сардельки, хлеб и поджарить. Врубили на полную громкость магнитофон, пусть старики не воображают, будто мы будем сидеть как мышки.

Кожемяка принес стаканы. Пикник начался. Катька вставила в магнитофон кассету с «Агатой...», и пошла бодяга: «По небу ангелы летят, в канаве дьяволы ползут...» И как ей не надоело?

Даже у костра заедали комары, поэтому Кожемяка отвел нас в дом и открыл створки и ящики платяного шкафа, набитого старой одеждой. Тут оказалась настоящая костюмерная.

– Упаковывайтесь с фантазией! – орал Колян. – У меня с собой фотик – сделаем исторические кадры!

Я надел толстовку и шляпу пасечника. Катька натянула драные треники, а поверх – красно-черно-белую, с разлапистыми цветками мака юбку в оборках. На голову – фетровую мужскую шляпу. Колян отхватил галифе. Кожемяка – тюбетейку. Вальке Иванову досталась тирольская шляпа с пером. Ленка разыскала допотопную пелерину и стала похожа в ней на Коробочку. Сонька-дворянка вырядилась в рваный атласный халат с рукавами-крыльями. Сонькина фамилия – Прищепа, но она утверждает, что происходит из старинного дворянского рода Голицыных и бесится, если над ней подшучивают или не верят.

Устроили страшный таракам, тряпки летели в воздух. Все толкались, чтобы занять место у большого зеркала на внутренней стенке шкафа и полюбоваться на себя. Потом мы фотографировались у костра в разных позах со стаканами, бутылками и сардельками в руках, а магнитофон орал: «По небу дьяволы летят, в канаве ангелы поют...»

Как-то незаметно Валька Иванов с Ленкой удалились в дом, и сие событие подверглось ироническому обсуждению. Они даже не явились, когда Кожемяка взял гитару. Он тащится от Цоя, но вообще-то репертуар у нас вполне традиционный, туристский. «Изгиб гитары желтой...», «Люди идут по свету...», «Возьмемся за руки, друзья...». К этому нас приучил Вовик – учитель физкультуры, с которым мы ходим на соревнования по ориентированию, а иногда и в походы. Иванова с Ленкой наши волни не выманили из дома, зато оставшиеся взялись за руки, как учил Окуджава, и с песней пошли вокруг затухающего костра.

Наш класс не был дружным. Кроме Борьки, настоящих друзей у меня там не было. Я полагал, что, закончив школу, без грусти расстанусь с одноклассниками. Но теперь нас оста-

лось не так уж много, мы знали друг друга с самого детства, и я внезапно понял, что с этими ребятами у меня крепкая связь. Я их любил. Они мне были не чужие. А еще я подумал: учиться нам еще два года и надо держаться вместе, чтоб не пропасть поодиночке.

На меня накатила необъяснимая любовь ко всему миру. Кожемяке с Коляном приспичило сыграть партию в шахматы, но доска была в доме, а его оккупировала наша «сладкая парочка». Начались переговоры на крыльце, развеселые и не очень приличные крики. Старики, наверное, изошли желчью и любопытством.

Благополучно закончили вторую бутылку водки, и мне казалось, я в порядке, – пил аккуратно, ел много пряников и чувствовал себя веселым и трезвым. Катька молчала и задумчиво смотрела на мерцающие угли костра, она порозовела, волосы растрепались. Как же она могла не нравиться? Мне вообще нравятся эдакие кошечки – мягкие, кокетливые, с завлекательными глазками, гримасами и разными частями тела.

– *Леди, можно к вам на колени?* – полюбопытствовал я.

– Можно, – равнодушно ответила Катька.

– Ну ты что? Ты должна сказать: «*Nem, милорд*».

– *Nem, милорд*.

– *To есть виноват: можно голову к вам на колени?* А ты отвечаешь: «*Да, милорд*».

– Отвали от меня со своими глупостями, – тихо сказала она. – И вообще я хочу спать.

Белые ночи были в разгаре. Солнце скрылось незадолго до полуночи, и небо совершенно внезапно, на глазах, налилось нежным клюквенно-золотым огнем. Его теснила чистая, прозрачная синева. Вскоре рассветный розовый ореол попер на запад...

Колян блевал в кустах смородины, у канавы. Сонька Прищепа размахивала атласными крыльями рукавов, рассказывая несмешной анекдот. Мы с Катькой пошли в дом. В комнате на первом этаже сидели на полу Иванов с Ленкой, ворковали и допивали стибренную у коллектива бутылку сухого вина. Мы поднялись на второй этаж, где лежало несколько голых матрасов с подушками. Сняв юбку с маками, Катька легла на матрас и накрылась ею. Я устроился по соседству. В саду орали: хорошо был слышен Кожемякин голос и смех Соньки-дворянки.

На противоположной стене комнаты играли розоватые блики. Светло было почти как днем. В детстве – не помню, но теперь эти белые ночи совершенно не давали мне спать.

Катька лежала на боку, лицом ко мне, глаза у нее были закрыты, но я знал, что она не спит. В саду снова включили магнитофон.

– Я к ним ко всем очень хорошо отношусь, – сказал я, распираемый любовью ко всему белому свету.

Катька не открыла глаз, но ресницы ее дрогнули, и она спросила:

– Да? С каких это пор?

– *C těch por, když pro mě zákonem stalo srdce,* – с чувством продекламировал я.

Наверняка она догадалась, чья это строчка, потому что в ответ процитировала, о чем я тоже догадался, из «Агаты...»:

– «Сердце твое двулико: сверху оно набито мягкой травой, а снизу каменное-каменное». С какого низу? Почему снизу? Абраcadabra какая-то.

– Тебе было скучно? – поинтересовался я.

– Скучно, – сказала она, уселась на матрасе, прислонила подушку к стенке и привалилась к ней спиной. – Мне все время скучно. Мне тоскливо. Я чувствую, как уходит время. Я просеиваю его сквозь пальцы. А ведь это может продолжаться всю жизнь. Мысль об этом невыносима! – В ее голосе закипали слезы.

– Здрасте пожалуйста! – сказал я.

Но она не обратила на меня внимания.

– Почему я люблю его, если ни разу живьем не видела, не говорила с ним и знаю, что он для меня недоступен? Может, это странно, но поэтому и люблю! – Теперь она почти кри-

чала сквозь злые слезы, а мне казалось, что я вдохнул воздух, а выдохнуть не могу. – Пусть это придуманная любовь, но это в миллион раз лучше, чем реальная с Кожемякой, будущим алкоголиком и шутом Коляном или Ивановым, дураком похотливым, козлом. Как его можно любить и хотеть? Вся рожа в вулканических прыщах. Сплошной маразм, время капает, как из испорченного крана. А я все одна и одна! Я не могу уже выносить это кромешное одиночество! И любить я их не могу!

– А меня? – неслышно спросил я.

– Что – тебя? Я к тебе очень хорошо отношусь. Я тебя люблю по-своему.

– Как *сорок тысяч братьев*?

– Тебе кажется, это мало?

Честно говоря, я был ошарашен, убит. А если и не убит, то тяжело ранен.

– Понимаю, тебе дорог этот фэнский миф. И твой сексуальный идеал – этот кот в кудряшках...

– Только без оскорблений!

– Зачем же ты со мной целуешься? Обнимаешься зачем?

– Больше не с кем, – жестко ответила она. – И все это ровным счетом ничего не значит. Если ты будешь честным, ты тоже согласишься, что не любишь меня. Конечно, я тебе нравлюсь, и тебе хотелось бы, чтобы мы были как Иванов с Ленкой. Вот и вся любовь.

– Неправда! – возмутился я, впрочем, без большой уверенности.

В тот момент я ничего не понимал: любишь – не любишь? Просто я был уязвлен и осознал, что для Катеньки я временное явление. Она, видите ли, ждет любовь! Если бы кто-то появился – не я, конечно, но не обязательно какой-нибудь супермен или звезда эстрады, а просто не Кожемяка, не Колян, не Иванов, – она забыла бы своего кудрявого с его поющими в канаве ангелами. Почему-то жалко ее стало, и тогда я взял ее за руку, безвольно лежавшую на матрасе, сжал и долго не отпускал. А она не вырывала.

За окном просвистела птичка, и тут же за ней вторая. Значит, часа три, утро настает. Через полчаса будет звучать целый птичий хор. Я выглянулся: у потухшего костра, свернувшись калачиком, спал Колян, а Кожемяка и Сонька тихо разговаривали.

Катя тихо лежала, лицо у нее было спокойное, и, укладываясь поудобнее, я сказал:

– Катюшечка, о *нимфа, помяни меня в своих молитвах*.

Она ничего не ответила, а может, и не слышала – заснула.

Когда я закрыл глаза, земной шар подо мной качнулся и закружился, набирая обороты. Понесло меня, понесло так, что пришлось не один раз открывать глаза, чтобы все остановилось. Потом сопротивление надоело, я отдался стихии и помчался, словно падающая звезда, крепко держа в своей руке теплую руку Катеньки.

Глава 10 ДЕВЯТКА ПИК

О похмельное утро! Утро в первом часу дня. В голове треск, в желудке тоска, во рту как в общественной уборной. Полежал, не открывая глаз, прислушиваясь к себе и соображая: надо мне идти блевать или не надо. Решил: не надо. Без интереса вспомнил вчерашнее, а как разговор с Катькой всплыл – в пот кинуло. Я еще попрятывался спящим, но, открыв глаза, обнаружил, что комната пуста.

На первом этаже спал Иванов, а девчонки убирали в шкаф раскиданную повсюду одежду, мыли стаканы и подметали. Кожемяка на участке складывал разваленную поленницу дров, а Колян застирывал в канаве обрыганные галифе.

– Хорошо повеселились, – мрачно сказал Кожемяка. – Дров напалили пропасть, пленку на парнике прожгли искрами от костра. Родители будут в ауте и развоняются со страшной силой. Еще неизвестно, не орали ли мы чего неприличного. У соседей ушки на макушке, а утром они не поздоровались. Я с ними – да, они – нет. Ты хоть помнишь, что было?

– Все было нормально. Только голова трещит, как будто там ворочаются ржавые железяки.

– Можешь опохмелиться, – предложил Кожемяка. – Только не советую. Я пробовал – эффект обратный.

Оказалось, что выпили мы две бутылки водки, третью открыли, но пить уже не могли. Если учесть, что девчонки пили вино, Иванов с Ленкой рано отвалили, а закуски почти не было, получалось не так уж и мало.

– Иди поешь, если можешь, – сказал Кожемяка. – Девчонки крепкий чай заварили.

Я проявил силу воли, помог Кожемяке собрать дрова, а потом уж пошли пить чай. Увидев нас, Колян мечтательно произнес:

– А здорово вчера надрались!

– Помнишь, как ты хотел сделать шашлык из дождевых червей? – поинтересовался я.

– У меня амнезия, – скромно ответил Колян.

– У меня тоже провалы памяти, – заявил Кожемяка. – Кто слышал, что Колян вчера нес на крыльце, когда мы за шахматами ходили? Что-нибудь неприличное?

– А почему неприличное? И почему – я? Я – ничего! – возмутился Колян.

– Да потому, что ты вечно... Если врубаться в твой базар, это полная труба!

Совместными силами успокоили Кожемяку и с удовольствием повспоминали вчерашнее, кто сколько выпил, что делал и говорил. Возможно, и меня все это занимало бы и веселило, если бы не ночной разговор с Катькой. Он не давал мне покоя, казалось, что и похмелье у меня не от алкоголя, а от ее откровений.

Катька не обращала на меня внимания и ничуть не раскаивалась. А может, ей настолько плевать на меня, что она даже не поняла, что наговорила? Она эгоистка и на самом деле любит только себя. Она и дружить не умеет. Вчера я собирался рассказать ей про дом-притон, ей – единственной, а сегодня ни малейшего побуждения не испытывал. Хорошо, что не проболтался.

Меня обуревали сложные чувства, но при этом не могу сказать, что мне не хотелось бы ее видеть. Говорить действительно не хотелось из-за болезненного состояния, а идти рядом было хорошо. Правда, песчаная, заросшая деревьями и люпинами улочка уже не казалась такой уютной и романтичной, и пугала мысль о душном, набитом людьми автобусе имени Данте.

Катька отстала и шла на полшага позади, как вдруг вскрикнула:

– Стой!

Она указала на дорогу. Под моей ногой лежала игральная карта. «Рубашкой» вверх.

– Переверни! – велела Катька.

Я перевернул.

– Ну и что?

– Девятка пик, – констатировала она и сделала большие глаза.

– И что из этого следует?

– Ты не знаешь, что такое девятка пик?

– Карта.

– Это означает, – сказала она, – болезнь или большую неприятность. Серьезную. Девятка очень сильная карта, она даже похлеще десятки.

– Да будет тебе!.. – отмахнулся я.

Уже в городе Колян спохватился, что в фотоаппарате осталось десять кадров, и решил их отснять сейчас же, но народ торопился, всем всё надоело и не терпелось попасть домой. А меня осенило – я попросил у него аппарат с недоснятой пленкой и обещал вернуть с проявленной. Так я получил «кодак».

Дома пытался спать. Матери сказал, что всю ночь сидели у костра и пели туристские песни. Бедные наши мамы! Моя совсем не дура, тем более в школе работает и все должна понимать. Но как же им хочется, чтобы детки их наподобие безгрешных ангелочеков порхали в облаках, а не блевали, как дьяволы, в канавах, пусть даже заросших кустами прекрасного разноцветного люпина! Но согласитесь, последнее не самое плохое, что может случиться с детьми.

Глава 11 КОНЕЦ ИГРЫ

В семь часов вечера, прихватив фотоаппарат, я направился к автобусу на Картонажку. В общем, я оклемался, только тело приобрело какую-то странную невесомость, что было даже приятно, а голова продолжала побаливать – вот это мне совсем не нравилось, и я машинально тер виски и глаза.

На горбатой улице меня обогнала машина. Я уже не сомневался, куда она следует. А потом я увидел рыжеволосую.

В коротком сарафанчике, с гривой волос, сверкающей огненными искрами, она шла прямо мне навстречу. Впервые я увидел ее так близко и страшно разочаровался. Физиономия, руки, грудь и даже ноги были обсыпаны у нее бежевыми веснушками. Лицо открытое и простоватое. Издали она выглядела куда эффектнее и загадочнее. Внезапно я с ужасом подумал: «Может, и она?! Может, и она из такого дома, как мой поднадзорный?! Но не все же здесь торгуют зельем: на Картонажке домов двести или больше. И что мне за дело, из какого она дома, кто ее родители и чем занимаются?»

Она прошла мимо, я оглянулся. И она оглянулась. Я поймал ее странный взгляд, словно она узнала меня. Тут же мы отвернулись, и каждый пошел в свою сторону. Не могла ли она заприметить меня на наблюдательном пункте или видеть, как я туда забирался? Возможно, и на подоконнике она сидела в купальнике для меня?

Я залез в черемуховую пещерку, прислонился к развилике ствола и, скрытый ажурной занавесью, с остервенением круговыми движениями стал тереть виски. Прошло порядком времени, пока приехали наркоманы. Я прицелился объективом и стал выжидать, пока откроется окно. Мужик-покупатель расположился чрезвычайно удачно, так что мужик-продавец, тот самый, старый, которого я знал в лицо, нарисовался в раме лучше некуда. И тогда я нажал спуск.

Фотоаппарат был дрянной. Ну не то чтобы совсем дрянной, я был бы счастлив иметь и такой, но для моих нынешних целей нужен был телевик. Впрочем, я надеялся, можно будет как-нибудь напечатать середину кадра, увеличив ее, и отсечь окружающий пейзаж с заборами. То, что в кадр попала машина, тоже неплохо. А еще следовало бы взять карандаш и записывать номера машин.

Для чего я все это делал, до сих пор не знаю. В милицию идти с уликами я не собирался. Видимо, рассчитывал придумать позже, какими распорядиться.

Солнце лениво спускалось к горизонту, когда наехало на него очень красивое синее облачное рванье, и закапало. В моем укрытии можно было спрятаться и от ливня, а этот неосязаемый, почти пылевидный дождик оседал вокруг золотой пылью, так что даже железо и шифер на крышах почти не потемнели, зато вся зелень стала ярче и наряднее. Моя сень, составленная множеством листиков, засверкала мельчайшими бриллиантами. Потом будто кто подтолкнул меня, чтобы я обернулся, – там, за часовней, возникла водянистая радуга. На глазах она наполнялась сочным цветом, как ворота в иной мир.

Я снова подумал о своих потерях: отце, Люсе, Борьке. Каждого не хватало мне по-разному, но это были именно те люди, с которыми я мог бы обсудить теперешнюю ситуацию. Другим я довериться не мог, и никого нового не заводилось, с кем можно было поговорить о сокровенном, странном, может быть глупом.

Дождь сеялся, сеялся, а прекратился в один миг. Радуга налилась до полной зрелости, а потом начала бледнеть, растворяться, как свежая акварель, смываемая водой.

Пока я не вспоминал про свою несчастную голову, боль сама по себе утихла. Зеленый мир напитался запахами и свежестью, все еще весенней светлой чистотой и непривычно легкой

печалью об ушедшем. Я смотрел на дом, о котором знал правду, но не мог придумать, нужно ли использовать это и как? На глазах гасли алмазы в траве, на кончиках листьев и головках белого клевера.

А еще я подумал тогда, что пора завязывать с бессмысленной слежкой. Игра закончена. Пусть она была чистой воды ребячеством, но просто так ничего не случается. Значит, она тоже была нужна. Мне нравилась моя зеленая пещера. Здесь я думал про разные разности, рассматривал маxровые, притрушенные яично-желтой пыльцой круглые подушечки одуванчиков, их многочисленные тупые лучики и пушистые сердцевинки. Здесь я следил за жизнью жучков и паучков, чего, мне кажется, не делал с детства, изучал прожилки листьев, складки коры, шелковую гладь молодых веток.

Мои сентиментальные размышления неизвестно сколько бы продлились, если б не был я изъят из зеленоj пещеры неведомой грубой силой, которая выкинула меня на свет Божий за шкирку. Только на улице я разглядел, что вихрь, вырвавший меня из укрытия, не кто иной, как молодой парень из наркоманского гнезда. Может, он и был на четыре-пять лет старше меня, однако я сразу ощутил, что сильнее он вдвадцать раз. Словно клешней схватил меня повыше локтя и волок к дому, приговаривая:

– Ах ты, гаденыш поганый! Что ты там вынюхивал-высматривал? Дай-ка сюда эту штуку.

Он вырвал у меня фотоаппарат, в который я отчаянно вцепился. Под злобный собачий лай я влетел в калитку, тут же получил сзади ребром руки сокрушительный удар по шее и, еще не успев почувствовать боли от первого удара, схлопотал второй – кулаком в живот. Шея у меня подломилась так, что подбородок брякнулся о грудь и лязгнули зубы, а сам я скорчился и рухнул на колени, держась за живот. Все это случилось мгновенно, так что я и страха особого не успел ощутить, но зато враз понял, что попал в прескверную историю. Еще перед глазами плавали кровавые пятна и рот судорожно открывался, хватая воздух, а я уже знал: дело дрянь, самому отсюда не выбраться.

Парень протащил мое скрюченное тело по двору, и я пересчитал на крыльце ступеньки. В комнате он бросил меня на пол, где я так и остался лежать, думая о том, что испытанное унижение – ерунда, все равно о нем никто не узнает, как и о моей судьбе. Из глаз катились слезы. Парень еще несколько раз ударил меня ногой, пока его не остановил старый мужик:

– Полегче! Сам разберусь. Это что?

Я не думал, что вопрос обращен ко мне, и не поднял головы, поэтому молодой сам ее запрокинул, схватив за волосы. Надо мной стоял старый, в руках держал фотоаппарат.

– Онемел? – ласково-угрожающе проговорил он.

– Я… – Голос был не мой, а может, и вообще не было голоса, так что пришлось откашливаться, отчего я снова сложился пополам. Кашлять было больно. – Я… Девочка… Рыженая… У нее очень красивые волосы… На подоконнике сидит…

– Это он про Таньку. Ну, Танька, Тарасовых дочка, – услышал я откуда-то сзади женский голос и догадался, что это старуха, которую я тоже знаю.

– Девку, значит, караулил? – Старик раскатисто засмеялся. – Девку, говоришь, Таньку? Влюбился? – Мне показалось, он поверил и развеселился, только рано я обрадовался. – А если врешь? – спросил он, резко оборвав свои «ха-ха-ха». – А если врешь? Как проверить?

– Проявить пленку, – сказал молодой ледяным голосом.

– Дело это долгое, – решил старик. – А потому мы и так узнаем. Я догадываюсь, откуда уши торчат.

Теперь я сам попытался поднять словно перерубленную и стеклом набитую голову, чтобы посмотреть на старика правдивыми глазами.

– Это чужой фотоаппарат, я взял его у друга. Он может подтвердить. Я говорил ему, куда и зачем пошел. – Про друга сказал специально, чтоб старик призадумался. Зачем ему убийство на себя вешать?

– Я, слушаю, не знаю твоего друга? Сдается мне, знаю.

– Вы его не знаете. Он мой одноклассник.

– Ну, ладно, батя, не тяни резину, – встярал молодой.

Может, он собирался лишь поддатть мне, но не рассчитал, и я крепко ударился головой об угол печки. Надолго ли я потерял сознание, трудно сказать, но, вероятнее всего, ненадолго, а может, вообще на миг. Когда я сообразил, кто я и где нахожусь, то рассудил, что выгоднее в себя и не приходить. Мне ничего не стоило лежать с закрытыми глазами, не подавая признаков жизни, – свинцовые веки открываться не хотели, а малейшее шевеление причиняло боль.

– Кретин ты, Вовка, – сказал надо мной старик. – За что ни возьмешься, все испаскудишь.

Грубые пальцы осторожно потрогали мою щеку, потом меня перевернули на спину.

Я с трудом сдержал стон. Что-то тяжелое опустилось на грудь: старик слушал, бьется ли у меня сердце.

– Отнеси-ка его в заднюю комнату и положи на кровать, – приказал старик. Я почувствовал сильный рывок, но старый тут же рявкнул: – Сказано – отнести! Поосторожнее!

Далее был полет, во время которого молодой цедил сквозь зубы гнусные ругательства. Женского голоса после того, как было сказано о соседской Таньке, я больше не слышал, хотя надеялся, что старуха недалеко, и рассчитывал на ее жалость и помощь. Молодой, исчезнув из поля зрения отца, вывалил меня на постель, как куль с деръмом. Снаружи лязгнула задвижка. Я разлепил глаза и обнаружил, что нахожусь в темноте.

Сколько прошло времени с тех пор, как я попал в этот страшный дом? Уходил я часов в семь вечера, около восьми был на месте, часа полтора просидел в укрытии. Сколько длилось все последующее, не мог определить. В любом случае не могло быть больше одиннадцати-половинадцатого.

В доме слышались голоса и громыхание посуды. Если б пришла ко мне бабка! Я не надеялся на это. Мать уже беспокоится. Интересно, когда она заявит в милицию о моем исчезновении – утром? Сравнимая с физическим страданием, меня пронзила мысль: если со мной что-нибудь случится, ей не пережить! Я бы ради нее сделал что угодно, но я и для себя ничего не мог сделать, даже пошевелиться не мог: казалось, у меня раздроблены все кости, включая черепные. Кажется, я плакал и молился Богу о спасении и в то же время, ощупав языком зубы, с удовлетворением отметил, что все на месте.

Конечно, я предполагал и надеялся, что убивать меня не станут. Они трезвые, соображают же. Еще я слышал, что продавцы наркотиков сами их не употребляют. Зачем им такие заморочки, как убийство? С проявлением пленки они подождут до утра, если вообще станут ее проявлять. А может, проявят прямо сейчас, ночью?! Сказал же Сусолов: у них все куплено. Что им стоит проявить пленку в любое время суток? Плохо, что я успел сделать кадр с домом, стариком в окне и машиной.

Мысли, словно в тумане, носились в моей голове, пока совсем не смешались, превратились в какую-то тяжелую кашу. Видимо, во сне я стонал, потому что и проснулся от своего стона. Все случившееся сновидением, к сожалению, не было.

Открыл глаза. Ничего не изменилось, кроме того, что вокруг стояла мертвая тишина. Попробовал пошевелиться, потом сесть на кровати, потом встать. Мучительно. Но, по крайней мере, кости у меня были целы и шейные позвонки не сломаны, хотя голову я мог повернуть только вместе с туловищем, а при каждом движении непроизвольно шипел сквозь зубы. Стоять боялся.

Сначала я постоял прислушиваясь. Потом, держа перед собой руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь и не произвести шум, пошел на тонкую, как ниточка, полоску света – здесь было окно, закрытое ставнями. Ощупал ставни: они висели на петлях и закрывались на обычный крючок. Тихо-тихо и очень медленно вынул крючок из петельки и открыл ставни.

За стеклом в легком полусумраке застыл старый фруктовый сад. Птиц слышно не было. Я предположил, что часа два ночи. Не найдя шпингалета на окне, испугался: мне показалось, что оно не открывается совсем.

Потом увидел внизу рамы дверную ручку. Рама поднималась. Я поднял ее.

Поскольку неизбежные шумы, которые я производил, никого не разбудили, я осмелел, решил даже обыскать комнату, но раздумал: некогда глупостями заниматься, пора уносить ноги. Да и не было в комнате ничего, кроме кровати, двух стульев и комода. Однако, окинув прощальным взглядом свою тюрьму, я потерял всякое благоразумие.

На комоде, прислоненная к стене, стояла икона. Я поднес ее к свету. Сомнений не было: я держал в руках Люсину Владимирскую Богоматерь!

Люся мне объясняла, что есть иконы, писанные художниками, а есть напечатанные на бумаге, дереве и даже металле. Такие стали делать в прошлом веке. Она показывала мне одну напечатанную. Я бы и не заподозрил, что это печать, но, как оказалось, на ней были такие точечки – от печатной машины. «А здесь, – говорила Люся, – все сделано рукой и душой». Она ткнула пальцем в какую-то неверную линию, завиток, утверждая, что он случайный, наверняка художника кто-то окликнул, он вздрогнул, и кисточка у него сделала каракульку. Наверное, он мог ее исправить, но не стал. Он увидел, что хорошо вышло, естественно.

Да что линия! Я помню лицо Богородицы, ее нежные руки, прижатую к щеке щеку Младенца. Все цвета помню. У меня хорошая память на изображения.

Прыгать невысоко, первый этаж, но прямо под окном рос матерый шиповник, а икона была не маленькая, да еще облаченная в массивную глубокую ореховую оправу – киот. Я сразу понял, что заберу ее с собой, но киот следовало оставить. Там крошечные такие крючочки, как игрушечные. Я открыл их, икону вынул, но из коробки вывалилась какая-то сложенная бумажка. Подумал – записка, но читать было некогда, я ее даже не развернул, а сунул в карман, сел на подоконник, морщась от боли, перекинул ноги на другую сторону окна и соскользнул вниз, прямо в колючие кусты.

Собака молчала. Была она на привязи или на ночь ее спускали бегать по участку, я не знал. Птицы тоже не подавали голос, значит, ночь была в полном разгаре. Я прокрался до забора, который выходил на улицу, пересекавшую горбатую. Забор был сплошной, дощатый и выше моего роста. Подтянуться я и в здоровом состоянии вряд ли сумел бы. Огляделвшись, не увидел ничего подходящего, чтобы использовать как ступеньку. Шляться по участку в поисках подставки было самоубийством. Надеяться, что в заборе есть доски, которые можно сдвинуть или без шума отодрать, не приходилось: забор был новый. Ближние к забору деревья оказались молодой облепихой, остальное – малинник.

В полном отчаянии я ухватился за верх забора и, подтянувшись из последних сил, водрузил туда подбородок. Показалось, что голова отрывается от шеи. Неимоверным усилием мне удалось уложить на забор локоть и перенести тяжесть чугунного тела на руку. Долго висеть таким образом я не мог, но и любое дальнейшее движение было невозможно. На груди, под рубашкой, лежала большая выгнутая доска.

Чертова сентиментальность! Зачем мне нужна была эта икона? Я ведь не граф Монте-Кристо или мушкетер какой-нибудь. Это в книжках с неприступных башен спускаются, рвы переплывают и скрываются на коне от преследователей. Я же хилый и трусливый подросток, из которого брат хотел сделать человека, да так и не смог. Я не занимаюсь спортом, не закаляюсь, я даже утреннюю гимнастику не делаю.

Как мешок я свалился вниз и лежал, обессиленный, под серебристыми деревцами облепихи. С иконой мне было не выбраться отсюда, поэтому я перебросил ее на улицу, сжав зубы и поскуливая, снова подтянулся, положил на верхушку забора подбородок, поволок туда же локоть, за ним второй. Я уже почти достиг успеха, но тут залаяла собака, и от неожиданности я снова чуть не свалился. Даже не понял сначала, что это не здешняя собака, а соседская. Она

вскоре замолкла, а я продолжал висеть, как вареная сосиска, пока не почувствовал, что сейчас сорвусь. Представив, что придется снова подтягиваться, я стал от полной безнадежности брыкаться как сумасшедший, пытаясь затащить наверх второй локоть и забросить туда колено. Несколько раз чуть не рухнул. Не знаю, каким образом удалось мне впопыхах наконец на забор животом, перевалить туловище и брякнуться на другую сторону, не поломав костей.

Если штурмовать забор мне помогло отчаяние, то встать после падения – радость. Почувствовав свободу, я побежал, хромая, держась за поясницу, виляя задом, стараясь не шевелить головой и бодро постанывая, подальше от своего застенка.

Икона опять лежала у меня на груди. Фотоаппарат остался в страшном доме, но мне в тот момент было на него плевать. Я с облегчением нашупал в кармане ключ от дома, хотя надеялся, что мать спит, было просто глупо. Разумеется, в кухне горел свет.

Дверь я открыл сам, икону тихонько поставил между вешалкой и стеной. Нужно было видеть лицо моей матери, которая тут же появилась в прихожей и, опершись на косяк, язвительно спросила:

– Явился?

И вдруг губы у нее запрыгали, глаза заморгали, она отвернулась, заплакала и ушла. Я отправился за ней, обнял, она вся дрожала.

– Ты хоть видел себя? – спросила наконец. – Почему ты так странно держишь спину?

Я удалился в ванную и осмотрел одежду. Джинсы еще как-то можно было залатать, чтобы использовать в качестве рабочей одежды, а рубашка превратилась в грязное рванье. Из зеркала на меня смотрело поцарапанное, в ссадинах лицо с заплывшим правым глазом. Разделся. На теле тоже были ссадины и кровоподтеки. Помылся под горячей водой, постоял под холодной и почувствовал себя значительно лучше.

Мать ждала меня в кухне с яичницей, которая показалась мне замечательно вкусной. Далее я произнес, как мне теперь кажется, весьма высокопарную речь о том, что подобного больше не повторится, в случившемся виноват я сам, но спрашивать меня ни о чем не надо. А закончил я тем, что в жизни каждого человека, особенно мужчины, бывают такие моменты, обойти которые невозможно. Отец понял бы меня и не расспрашивал. После этого мать заплакала снова, лицо у нее было несчастное-пренесчастное.

Чем я мог ее утешить? Да я уже утешил ее. Тем, что пришел. Я просил прощения, она махнула рукой и устало констатировала, что уже полшестого, а ей на работу к девяти.

Глава 12

С ШЕРЛОКОМ ХОЛМСОМ

Кто бы мог подумать, что проснуться в своей постели – счастье? И хотя повернуться было больно, я наслаждался, ощущая, какая постель мягкая, уютная, излучающая покой и безопасность. Вообразил, как мои тюремщики нашли утром пустую комнату, и засмеялся. Смеяться тоже было больно. Зато сотрясения мозга я явно избежал, иначе была бы тошнота. Голова болела не больше, чем в похмельное утро накануне.

Раскорякой я навис над умывальником, шея не гнулась, зубная паста текла по подбородку. И это меня тоже насмешило. Лицо за время сна разукрасилось еще больше. Ссадины стали свекольного цвета, а опухоль под глазом посинела.

Следующий раз я засмеялся, когда не смог снять банку с заваркой, стоявшую на верхней полке кухонного шкафчика. Что вызвало мое веселье потом, уже не помню. Я бегал по квартире с прискоом, словно краб, – разбитое тело диктовало, как легче двигаться, – постанывал и смеялся в голос, держась за диафрагму. Наверное, это была реакция на пережитый страх.

С удовольствием я пил горячий чай, с удовольствием ел хлеб с вареньем и читал «Три товарища» Ремарка, пока очередной кусок не застрял у меня в горле: я вспомнил про икону и записку, которая выпала из киота. Как я мог забыть про них?!

Икона спокойно стояла под вешалкой, мама ее не заметила. Я запихнул доску под свой матрас. Одежда моя тоже лежала там, где я ее вчера вечером оставил, в уголке ванной. Карманы джинсов были пусты. Я все их вывернул, осмотрел каждый шовчик и повторил процедуру, понимая ее бесполезность. Я сидел на полу ванной и чуть не выл от досады. Записка была важная, иначе ее бы не спрятали. Что же я сразу ее не прочел? Может, сунул ее мимо кармана? Или потерял в саду? А вдруг она лежит по ту сторону забора, на улице?

Одному идти туда не хотелось – похоже, опять нужна была Катькина помощь. И отправляться нужно было тотчас: записку мог кто-нибудь подобрать, ее просто-напросто мог унести ветер.

Отшвырнув ногой джинсы под умывальник, я послал было туда и рубашку с носками, как вдруг блеснула надежда. Кармашек на рубашке! И хотя я не помнил, как клал туда записку, хотя заползал на забор грудью, вырвал с мясом пуговицы и клюк материи – она была там!

Какое облегчение я испытал! Я держал вновь обретенное сокровище и боялся развернуть. Мне пришла в голову мысль, что там, вероятнее всего, написана молитва или вообще ничего. Сложенная в несколько раз бумажка могла быть и подкладкой, чтобы плотнее зажать икону в рамке киота.

У меня дрожали руки, когда я развертывал бумажку. То, что на ней оказалось, повергло меня в полное изумление. Вот что там было:

Похоже на письменность древнего африканского племени. На детские рисунки, баловство – вряд ли, тут чувствовалась система. Шифровка? Шифрованное письмо? Но кому? От кого?

Я долго сидел над загадочным посланием и понял, что здесь без консультации сведущего человека не обойтись. Таких людей я, естественно, не знал. А у вас есть знакомый шифровальщик, а вернее, дешифровальщик? Вот то-то и оно. Если такие люди и существуют, то в недоступных организациях, а может, даже сама их профессия зашифрована для окружающих. И все же я вспомнил одного человека и подумал: вдруг он в таких делах разбирается?

Я не видел дядю Славу с похорон отца. Они вместе работали, и раньше я нередко бывал у него дома. Дядя Слава был в нашем городе самым известным, маститым кроссвордистом. Он не только разгадывал их, но и сочинял для нашей газеты, а также рассыпал в другие – петербургские.

Человек, который придумывает кроссворды, должен иметь представление о многих вещах. Такой человек наверняка любит загадки, и, возможно, моя не покажется ему такой уж трудной, просто я не знаю, как к ней подступиться. Но хотя у меня и не было никакого опыта, я догадался: фразы написаны в столбик, а не в строчку. Буквы над столбиками, вероятно, ключ к шифру.

Днем дядя Слава был на работе. Как я дождался вечера, трудно рассказать. Время от времени подходил к зеркалу, чтобы узнать, не спадает ли опухоль у глаза, не бледнеет ли боевая раскраска. Опухоль не спадала, а к вечеру под глазом выступила желтизна. Впрочем, я уже свыкся со своим новым лицом и даже воображал, будто с подбитым глазом у меня более мужественный вид.

Открыла дверь мать дяди Славы. Она меня узнала, по поводу моего лица комментариев не последовало. Проявила сдержанность и гостеприимство. Была она невысокой полной женщины с жидкими выющиеся волосами. Дядя Слава был на нее очень похож. Того же роста и полноты, с бабьим лицом и редкими кудрями до плеч. Оба были в одинаковых старых длинных халатах из коричневого шелка. И казались они не сыном с матерью, а братом с сестрой. Лица у них были добрыми, с живыми глазами. Я всегда считал, что у дяди Славы артистический вид, особенно в халате. Такими мне виделись представители богемы.

– Кто ж тебя так разукрасил? – спросил дядя Слава.

Он недавно пришел с работы, и они с матерью собирались обедать. Пришлось и мне съесть картофельного супа и котлету с макаронами. Уже за супом дядя Слава сидел, уставясь в мою шифрованную записку, поднимал брови, иногда даже переставал жевать и недоуменно кривил рот.

– Вообще-то говоря, – сообщил он, – я из всех загадок предпочитаю крестословицы. Только ими и занимаюсь. Простенький ребус я, конечно, решу, но посложнее – не уверен. С шифрами я никогда не сталкивался. Наверное, ты прав, буквы – ключ к шифру. Но я не знаю, как найти замочную скважину для этого ключа. Ты уверен, что тебя с этой запиской не разыграли?

– То, что это не розыгрыш, уверен. А может, это игра какая-нибудь, вроде «крестики-ноликов» или «морского боя»?

– Я не встречал такой игры. А нет ли у тебя знакомого компьютерщика? Жаль. Я подумал: если знать частоту употребления букв русской азбуки и с этой точки зрения проанализировать рисунки – здесь их достаточно много, – может, и раскрылся бы шифр? Поговорить бы со сведущим человеком.

Полный облом. Я уже шел по двору, когда на дяди-Славином втором этаже открылась форточка и он позвал:

– Леша, вернись-ка на минутку!

Когда я поднялся, дядя Слава стоял в раскрытой двери. Он сказал:

– Знаешь, на что похожи твои письмена? На «Пляшущих человечков» Конан Дойла. У него есть такой рассказ про Шерлока Холмса. Читал?

Читать-то я читал, но суть забыл. Дядя Слава тоже не помнил. Весь «Шерлок Холмс», несколько томов, был у Катьки. К ней я и пошел.

– Ого! – встретила меня Катька. – Ничего себе! Кто ж тебе ряшку намыл?

– Не могла бы ты выражаться как-нибудь потактичнее? – осведомился я.

– Ну извините. Что ж с тобой случилось?

– Совершенные пустяки, не стоит вспоминать, – сказал я, гордо держа голову на негнувшейся шее и выпятив подбородок на своем, как я уже отмечал, возмужавшем лице.

На возмужалость она не обратила внимания, зато была заинтригована и даже обижена тем, что я не удовлетворил ее любопытства. В таком состоянии души я ее и оставил, унеся том с «Пляшущими человечками». Еще не выйдя из парадного, нашел рассказ и увидел нарисованные цепочки из человечков. Они были похожи на моих, правда, танцевали в строчку, а не столбиками.

Мама была уже дома, и пришлось с ней пообщаться, а поэтому я не сразу взялся за чтение. Я и не спешил, потому что очень надеялся, что книга послужит мне инструкцией для разгадки, а одновременно боялся разочарования: вдруг там нет объяснения, как взяться за шифр.

О вчерашнем мама не заговаривала, но долгий взгляд на своем лице я постоянно ловил. Потом зашел Игорь. Не сомневаюсь, что его вызвала мама, чтобы брат меня вразумил. Игорь не умеет читать нотации или вести душеспасительные беседы. Я впервые оценил его сдержанность. Он не спрашивал, в какую передрягу я попал, просто взял с меня обещание заняться с осени физподготовкой под его бдительным присмотром и обещал научить самообороне.

После ухода Игоря я опять и предвкушал, и оттягивал чтение Конан Дойла. Смотрел с мамой телевизор и дождался, когда она отправилась спать. Вот тогда я зажег лампу на своем письменном столе и открыл книгу.

«В течение многих часов Шерлок Холмс сидел, согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варились что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком». Так начинался этот рассказ.

Первый раз я внимательно прочел его с ознакомительной целью. Второй раз читал только то, что относилось к тайнописи, которую разгадал Шерлок Холмс. В его записках каждая фигурка соответствовала букве. Конец слова обозначал человечек с флагжком. У меня же целая строчка представляла собой слово, столбик – фразу.

Я срисовал из книги все цепочки «пляшущих человечков» и написал над ними расшифрованные фразы. На отдельном листке поместил алфавит, а против каждой буквы – человечка, который ей соответствовал. Не все буквы алфавита были задействованы в расшифрованных фразах, но их было достаточно, чтобы понять, что написано в моем письме.

Святая наивность! Кажется, я при помощи Шерлока Холмса собирался прочесть записку из киота! Первое же слово, которое я хотел узнать по его системе, оказалось абракадаброй, набором букв. И второе. И третье. Я проверил все. Выяснилось также, что большинство человечков из книги в записке отсутствуют, зато много совершенно новых образцов. Это был совсем другой шифр!

Я еще раз просмотрел метод Шерлока Холмса, рассказ был моим единственным учебным пособием. «„То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим“», – сказал Холмс». Если только это изобретение, а не дурачество!

Чтобы найти буквы, соответствующие значкам, я стал искать ключевые слова. Выудил строчки из семи и четырех человечков и попробовал подставить к ним буквы имени – «Людмила», «Люда», «Люся». Это ничего не дало. И к чему бы Люсе употреблять свое имя в записке (если писала все-таки она!), коли сообщение предназначалось кому-то другому? Мне

или Игорю? Меня она называла Лешей, Лешкой и Лешим. Проверил слова из четырех и пяти человечков. Без толку. Я упустил из виду буквы над столбиками. А начинать надо было с них.

Попереставлял буквы так и сяк, надеясь составить из них слово, пока не сообразил, что «Л. Б.» – Люсины инициалы. Ее девичья фамилия – Борисова. Но кто же тогда «П. А.», «И. И.», «О. Т.» и «Н. И.»?

Стал вспоминать людей с такими инициалами. Не вспомнил. Буквы могли и не быть инициалами.

Стал проверять, могут ли буквы каждого столбика быть первой и последней в первой строчке, в последней, наконец, быть первой и последней буквой столбика? У меня было восемь разных букв и три одинаковые. Комбинировал-комбинировал – результат нулевой.

«В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами». Это написано о Шерлоке Холмсе, но я делал то же самое до утра. Спохватился, потому что понял: сейчас у матери зазвонит будильник. Я устал, глаза закрывались сами собой, лег спать, решив взяться за дело на свежую голову.

Глава 13

«ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ» ЗАГОВОРИЛИ

На свежую голову я тоже ничего не придумал. Вероятнее всего, это вообще было напрасным занятием. Если бы Люся хотела зашифровать просьбу о помощи, то, во-первых, она позаботилась бы, чтобы ее можно было прочесть без специалиста-декодера; во-вторых, не засунула бы ее в киот, где отыскать ее можно только случайно и через много лет. А главное – кому отыскать? Продавцам наркотиков? В-третьих, я не помню, чтобы я когда-нибудь говорил с Люсей о Шерлоке Холмсе. Однако, понимая бесплодность своей работы, как знаменитый сыщик, я продолжал покрывать «страницу за страницей цифрами и буквами». Подсчитывал количество человечков, складывал, вычитал, делил, умножал, переставлял буквы и придумывал слова, которые могли оказаться ключевыми.

Смузгали меня просветы в столбике между словами-строчками. Одни были шире, другие – уже. В двух первых столбиках – большой просвет после двух слов. В остальных – после трех, затем опять после двух. Что означал этот ритм? Стихи? Чепуха какая-то...

В нашем доме живет один высоколобый гимназист, который изучает предмет под названием «информатика», то есть владение компьютером.

Я ему долго объяснял, что меня интересует: можно ли, исходя из определенного объема текста, например десяти или пятнадцати страниц, определить, сколько раз встречается каждая буква; можно ли на основе этой информации расшифровать текст, где значки соответствуют буквам. Боже мой, какими учеными словами он стал бросаться! Как долго говорил, как покровительственно смотрел на меня. А в итоге ответ оказался более чем прост: такую работу сделать можно, но нужна специальная программа. Такой программы у него, разумеется, не было.

С Катькой я почти не встречался. Она занималась английским с репетитором, потихоньку фанатела и сказала, что, возможно, приедет в июле в Петербург, чтоб я телефончик оставил.

Мой глаз снова широко смотрел на мир, синяк исчез. Шея вертелась вполне сносно, кости и голова не болели.

После ночи в наркоманском гнезде я расслабился, к тетке уже не торопился, решил подождать маму, а она дорабатывала перед отпуском последние дни. Вопрос был в том, когда в школе дадут отпускные. Обещали вот-вот, но и в прошлом году обещали, а выплатили только в сентябре.

Еще у меня была серьезная проблема – фотоаппарат. К концу лета я должен был купить его и отдать. Раньше – и думать нечего. Этот простенький «кодак» стоил сто восемьдесят рублей. К Игорю я не мог обратиться за такой суммой. Матери ничего не сказал. Коляну признался, что аппарат у меня отняли. При наличии ссадин и подбитого глаза усомниться в этом было трудно, он даже не сильно психовал.

Где взять денег, я не знал. Украсть? Сейчас бы я с Борькой наверняка пошел грабить товарняк. От безысходности. И загремел бы в колонию.

Машины с хлебом, консервами и бутылками мы с парнями однажды разгружали и получили по десятке на нос.

Если где-то натырить пластмассовые ящики с ячейками для бутылок и продать – тридцать тысяч штука. Но где их натырить?

Торговля? В этой области я полный лопух.

Честно говоря, я рассчитывал на свою петербургскую тетку. Богачкой она не была, зато уродилась энергичной и предприимчивой. Я надеялся, она придумает, как заработать деньги, тем более в большом городе сделать это легче.

Маме все-таки выплатили отпускные, и через три дня мы намеревались свалить в Северную Пальмиру. Безуспешные занятия декодировкой я потихоньку продолжал, ни на что осо-

бенно не рассчитывая. В тот вечер я снова перерисовал «пляшущих человечков» – я делал это под копирку, сразу четыре экземпляра, потому что расчеты вел на тех же листках. С чего начать, я не знал и не в первый раз написал перед каждой строкой человечков цифры – их количество. Дальше дело не пошло. Мозги мои были окончательно иссушены. Зато утром, проснувшись и глянув на бумагу, лежавшую на столе, я увидел… номера телефонов!

Ну, конечно, пятизначные номера были наши, семизначные – петербургские. Просто написаны они были в столбик. Этим объяснялись широкие и узкие пробелы между строк и буквы-инициалы. «П. А.» – Павел Андреевич, к примеру. Номер его телефона: 34-756. «И. И.» – предположим, Иван Иванович из Петербурга. Его телефон – 275-61-34. И т. д.

У меня и раньше бывали неплохие идеи, но я чувствовал – эта последняя. Тут же я позвонил по первому телефону. Занято. По второму ответил мужчина. Надо было заранее придумать, что сказать. Пришлось ориентироваться мгновенно.

– Я звоню по объявлению об обмене квартиры, – заявил я.

– Мы не собираемся менять квартиру, – был ответ.

Я извинился и повесил трубку. Задумался. Таким способом что-нибудь разведать невозможно. Если мое открытие верно, то кто и зачем зашифровал номера телефонов? Враги на другом конце провода или друзья? Приключение на Картонажке меня напугало. Но по телефону не бьют. Снова набрал первый номер, там ответили:

– Второе хирургическое слушает.

От растерянности повесил трубку. Потом сидел и улыбался как дурак. Записка была расшифрована! Люся работала во втором хирургическом отделении городской больницы. Я не знал, почему она таким странным образом записала телефоны, но врагов я мог не опасаться. Очень скоро у меня вызрел план, и я позвонил в больницу.

– Простите, пожалуйста, – начал я активно и вежливо, – у вас работала санитаркой Людмила Борисова, по мужу – Тихомирова. Вы ее помните?

– Я работаю только полгода, такой санитарки при мне не было.

– Не могли бы вы позвать к телефону кого-нибудь, кто помнит Людмилу? – Чтобы меня не послали к черту, я добавил: – Она три года назад пропала без вести, ее должны помнить.

Последняя фраза наверняка сыграла свою роль.

– Попытаюсь кого-нибудь найти, – сказала женщина, и я услышал далекие гулкие голоса в больничном коридоре.

Скоро мне ответил глуховатый женский голос. Почувствовав настоящее вдохновение, я представился работником милиции и сказал:

– Дело Людмилы Тихомировой, по существу, закрыто. Но недавно появились новые факты. У нас есть несколько телефонов, которые нужно проверить, но нет имен абонентов. – Мне самому нравилось, как складно и убедительно я говорю. Голос у меня ломался, а может, уже и сломался, был достаточно низкий, с хрипотцой, не детский. – Зато у нас есть инициалы абонентов, – продолжал я. – Требуется установить, нет ли в вашем отделении человека, имя и фамилия которого начинается на буквы «П» и «А»?

– Так это Павлинова Аня, – почти не задумываясь, ответила женщина. – Санитарка.

Когда к телефону позвали Аню, я, окончательно обнаглев, представился следователем. Павлинова тут же поверила мне и даже оробела, только ничего со дня исчезновения Люси она о ней не слышала. Еще санитарка сказала, что Люся была очень хорошая, в больнице ее любили, но подружками (как я предположил в разговоре) они не были, потому что Аня намного старше: она уже собирается на пенсию. Я попросил прощения за то, что величал санитарку Аней, добавив, что у нее очень молодой голос. Она ответила, что все ее так и зовут. Вот и вся информация.

Позвонил по второму телефону. Ответил тот же мужчина.

– Прошу прощения, – сказал я уверенным, низким с хрипотцой голосом. – С вами говорит следователь городской прокуратуры...

На секунду меня одолело сомнение, не напрасно ли я приплел прокуратуру. Может быть, хватило бы и отделения милиции? Но «прокуратура» звучит гораздо солиднее! Впрочем, продолжить свою речь я так и не смог: мужчина прервал меня очень решительно, хотя и без всякого раздражения.

– Послушай, мальчик, – сказал он, – ты такой же следователь, как я – китайский император. И объявления про обмен квартиры мы не давали. Тебе заняться нечем?

Наверное, голос у меня все-таки не до конца сломался. Я переоценил себя и теперь скис. Если бы мужчина обляял меня, я тут же повесил бы трубку. Его спокойствие и даже доброжелательность натолкнули на правильное решение – сказать правду. Я назвался, сообщил про Люсию, ее исчезновение и про то, что нашел записку с телефонами. Разумеется, в общих словах, про нехороший дом и шифровку – молчок. Мужчина ответил, что знает про Люсию, но говорить мне надо с его женой, Ириной Ильиничной. «И. И.» – это она и есть.

Ирина Ильинична оказалась учительницей литературы в Люсиной школе, и, вероятно, это была ее любимая учительница. Она очень хорошо о Люсе отзывалась, знала, что Люся поступала в театральный и провалилась. Ирина Ильинична вела в школе театральный кружок, Люся там играла, а особенно хорошо у них получились сцены из «Гамлета». Разумеется, Люся играла Офелию. А еще Ирина Ильинична была убеждена, что Люся обладала актерским даром. Она даже приглашала меня, чтобы посмотреть фотографии школьных спектаклей. Записал ее адрес, хотя в гости не собирался.

Я опять маялся дурью. Что я хотел узнать, что искал? Может, это глупо и самонадеянно звучит, но я искал убийцу. С той самой минуты, как увидел на рынке платье! А еще я хотел, чтобы у Люси была могила. Все уже и думать про нее забыли. Игорь женился. Для моей матери смерть отца была таким потрясением, что все остальные несчастья отодвинулись на задний план. Люди, которых Люся считала своими друзьями, благополучно жили своей жизнью.

Наверное, постоянно вспоминали Люсию только я и ее мать, малосимпатичная женщина, сыгравшая в судьбе своей дочери недобрую роль. И все-таки я хотел бы привести эту женщину к холмiku с деревянным крестиком и сказать, что здесь лежит Люся. Это было бы справедливо.

После похорон отца мы с матерью часто бывали на кладбище, и однажды на дорожке, по которой мы ходили, я обнаружил скромную цементную плитку, поставленную вертикально. Сверху были какие-то цифры. Ниже – год. Еще ниже – инициалы. Я показал матери загадочный памятник, возле которого не росло ни цветочка, и спросил: что бы это значило?

– Это не инициалы, – пояснила мать. – «Н. Ж.» означает – «неопознанная женщина». Выше – год смерти. Потом, судя по всему, номер могилы, потому что очень большой. Не могут бомжи в таком маленьком городе исчисляться тысячами.

Потом мы обратили внимание и на другие такие же маленькие плитки. На этом участке их было пять. Все умерли в один год – год Люсиного исчезновения. Все – «Н. М.», и только одна – «Н. Ж.».

Я предположил, что это могла быть могила Люси, но мама возразила. В милиции до сих пор лежит ее фотография, и, более того, однажды Игоря приглашали на опознание. Но поскольку у Люси могилы не существовало, каждый раз, бывая на кладбище, я клал цветок на эту.

У меня хорошая память на лица. В тот день, а было это недели за полторы до Люсиного исчезновения, я возвращался домой и издали заметил, что возле нашей открытой калитки стоит мужчина. Забор со стороны улицы был из досок, высокий, с кем говорит мужчина, я не видел. Сперва услышал. Я понял, что мужчина угрожает, а Люся просит его о чем-то. Она твердила: «Ты этого не сделаешь! Ты не можешь это сделать!»

На вид ему было лет сорок. Фигура, будто хлыст, гибкая и сильная. Хищный, с горбинкой нос – орлиный. Рот с плотно сжатыми губами, тонкими, как лезвие ножа. У него была смуглая кожа, черные глаза и волосы. И наглое что-то в нем было, нахальное. Таких называют «хозяевами жизни» – так они себя чувствуют и ведут.

– Что встал? – грубо обратился ко мне Орлиноносый.

– Я здесь живу.

Он повернулся и, уходя, бросил:

– Я все сказал.

Калитка за мной закрылась. Люся стояла, прижав к груди кулачки, и дрожала, словно от холода. Лицо было мокрым и припухшим от слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.